

СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

И. А. Преображенский.

Р 96/13

П-724

ОЧЕРК ИСТОРИИ

САМАРСКОГО КРАЯ

~~История края~~ ~~История края~~

С ПРИЛОЖЕНИЕМ: КАРТЫ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПРОГРАММЫ ДЛЯ СОБИРАНИЯ СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ МЕСТНОГО КРАЯ.

ПРЕД

6495

ПОБЕДИТЕЛИ
ИСТОРИИ

ПРОБЛЕМЫ

САМАРА

1919

742810

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От автора	Стр. V.
От Издательства	VI—VII.

I. Памятники Самарской губернии.

1. Исторические памятники вообще	1.
2. Речные стоянки, курганы, могильники, городища	1.
3. Словесные памятники—письменные и устные	4.
4. Особенности быта	5.

II. Древнейшее население края.

5. Географическое положение края; чудь, хозары, печенеги, башкиры	5.
6. Волгары, татары	7.
7. Ногаи, калмыки и киргизы	8.

III. Первоначальное заселение Самарского края русскими людьми (XVI и XVII века).

8. Первоначальное знакомство русских людей с нижним Поволжьем	10.
9. Начало колонизации русской и инородческой	11.
10. Положение поселенца на новых местах	13.
11. Колонизация крестьянская, монастырская, помещичья	14.
12. Построение крепостей, Самара	16.
13. Возведение укрепленных линий. Закамская черта	18.
14. Иностранцы в Поволжье	20.
15. Участие Самарского края в народных движениях	21.
16. Внутреннее состояние гор. Самары в XVII веке	23.
17. Самарский уезд	26.

IV. Самарский край в XVIII и в начале XIX века.

18. Общее состояние края	26.
19. Колонизация башкирских земель	27.

	Стр.
20. Башкирские бунты.	29.
21. Отношение правительства к калмыкам	31.
22. Построение новой линии	33.
23. Заселение южной части губернии	34.
24. Иностранцы в Самарском крае, немецкая колонизация	35.
25. Состояние города Самары.	37.
26. Пугачевский бунт в Самаре и губернии	40.

V. Самарский край в XIX веке. Самарская губерния.

27. Общий ход колонизации, способы и порядки переселений, правительственная политика	42.
28. Учреждение Самарской губернии. Состояние гор. Самары	47.
29. Первые губернаторы. Освобождение крестьян, земская реформа, новые суды.	50.
30. Задачи времени. Голодный 1873-й год	56.
31. Политическая роль земства	60.
32. Революционная пропаганда 70-х годов	62.
33. Рост города Самары, характеристика культурного состояния	67.
34. Культурные средства губернии, состояние производительных сил, задачи будущего	75.

Примечания	79.
----------------------	-----

Поправки и дополнения	87.
---------------------------------	-----

Примечание: Изучение местной истории и быта населения	90.
---	-----

От автора.

При составлении настоящего Очерка имелось в виду прежде всего оказать посильную помощь нашим школьным работникам в их беседах с учащимися о прошлом родного края. Предполагалось, что эти исторические сведения могут быть интересны и для широких кругов самарских читателей. Задач научного характера автор пред собою не ставил; ему предстояло лишь собрать не очень обильный и в достаточной степени разбросанный печатный материал по истории Самарского края и изложить его в общедоступной форме.

Но и эта скромная задача оказалась осуществленной далеко не в полной мере. По условиям времени некоторых изданий достать было невозможно; тем более невозможна была проверка печатного материала по архивам. Поэтому не без колебаний автор принял любезное предложение Средне-Волжского Кооперативного Издательства и решился отдать свою работу в печать. Думалось, что Очерк при всех своих недостатках все же может сослужить свою службу просвещению и даст толчек к более обстоятельному изучению Самарской истории.

Чтобы не пестрить страниц книги, необходимые примечания отнесены к концу и, в суммированном виде, расположены по параграфам.

Для желающих уделить свое время и труд на изучение местного края к Очерку прилагаются программы для собирания материалов по археологии, истории и этнографии. Желательно, чтобы работа отдельных исследователей, рассеянных по губернии, объединялась в Самаре, куда все могли бы обращаться с различными сообщениями и запросами и где собранный материал мог бы подвергаться научной обработке.

Всякого рода сообщения и запросы просят доставлять в Самару по одному из следующих адресов:

Н. А. Преображенскому, Университет, уг. Николаевской и Красноармейской.

Средне-Волжскому Кооперативному Издательству, Соборная № 61.

Жертвуемые предметы могут быть назначаемы жертвователями, по их усмотрению, в Университет или Губернский Музей.

От издательства.

Изучение местной истории и географии давно уже стоит на твердой почве в западных культурных странах. В этих целях там работают различные правительственные и частные организации, в школах введено преподавание родиноведения. Во Франции к Празднику Республики местная администрация представляет к наградам учащихся и других лиц, которые своими трудами содействовали возбуждению интереса к местной истории и географии.

У нас по истории и археологии различных областей России работали археологические общества и губернские архивные комиссии. Изучение природы, как то: метеорологические наблюдения, исследование почв, флоры и т. д. принимали на себя земские опытные поля и станции. Некоторые земства в широких размерах производили статистическое и почвенно-геологическое обследование своих губерний. Такого же рода исследования производились иногда особыми экспедициями в связи с постройкою новых железных дорог. Особенности местной природы являлись предметом изучения географического и других ученых обществ. Но результаты всех подобных работ печатались в специальных изданиях, мало доступных для широкой публики даже по способу изложения; многие из этих изданий, выпущенные в ограниченном числе экземпляров, быстро расходились по учреждениям и специалистам и становились библиографической редкостью.

Между тем, интерес к родиноведению в последнее время стал широко развиваться и у нас. По некоторым губерниям (Казанской, Оренбургской) имеются уже и соответственные общедоступные руководства. В бли-

наиболее в будущем родиноведение несомненно займет надлежащее место в школе. По истории и географии нашего края имеется довольно обширный печатный материал, освещающий различные стороны местной жизни, но материал этот находится в сыром виде и для ознакомления с ним широких кругов населения необходимо обработать его в общедоступной форме. Для удовлетворения этой настоятельной потребности, Средне-Волжское Кооперативное Издательство решило выпустить серию книг по изучению местной истории и природы. Первым выпуском является предлагаемый «Очерк истории Самарского Края». Издание следующих выпусков, к сожалению, придется отложить на некоторое время в виду чрезвычайных экономических затруднений, переживаемых страной. Тем не менее Издательство намерено в ближайшем будущем выпустить сборник практических указаний по изучению местного края; часть этих указаний печатается при настоящем очерке в виде приложения.

За всеми указаниями и разъяснениями по затронутым вопросам интересующиеся лица могут обращаться лично и письменно в Средне-Волжское Кооперативное Издательство: Самара, Соборная, 61. Туда же можно направлять всевозможные материалы, касающиеся местного края, которые будут передаваться для научной обработки в соответствующие учреждения и организации.

Апрель 1919 года.

I. Памятники Самарской истории

1. Памятники Самарской истории, иначе говоря—все-возможные предметы, на основании которых мы можем знать о том, что в прежние времена происходило в нашем крае, довольно разнообразны, но до сих пор еще изучены недостаточно. Требуется дружная работа многих исследователей, необходимы внимание и любовь к родной старине. Исторические памятники обыкновенно делятся на немые (вещественные) и словесные; к числу памятников относятся и народные обычаи. Перечислим вкратце, какие памятники старины встречаются в нашем крае.

2. По берегам наших рек—Самарки, Кинеля, и так наз. воложек и стариц нередко встречаются песчаные бугры (дюны), образованные совместно действием воды и ветра. Ветер переносит песок с места на место и нередко обнажает при этом довольно обширные площадки, как бы блюдца. На таких обнажениях иногда открываются старинные погребения: скелет древнего человека, около него,—черепки грубо сделанной глиняной посуды, осколки твердого камня, медные наконечники копий и стрел и такие же украшения: кольца, браслеты, застёжки. Тут же кости домашних животных и птиц, большею частью сильно изменившиеся от долгого лежания в песке, а иногда обожженные. Если старая дюна давно заросла травой и кустарником и на ней образовался уже слой чернозема, древности покоются под землею и обнажаются лишь в обрывах рек и оврагов. Трудно пока сказать, что это были за люди, оставившие после себя перечисленные предметы. Возможно, что они приходили на песчаные берега рек только летом (на временную стоянку) и между прочим питались рыбой. Каменные осколки служили им орудиями—ножами, скребками, наконечниками для стрел и т. д. Встречаются

орудия (напр. наконечники для стрел) тщательно и даже изящно отделанные (оббитые) при помощи твердого камня. Глиняные черепки большею частью украшены узором, грубо сделанным при помощи пальцев, или острой кости (черточки, сетки), или вдавленной в мягкую глину веревочки. Обитатели речных стоянок знакомы были с медью и очевидно получали ее путем сношений с другими странами; точно также откуда-то со стороны добывали твердый камень (кремнь, сланец) для своих орудий. Речные стоянки встречаются и в других местах России: по течению р. Оки, по Днепру с его притоками и т. д.

По всему пространству нашей губернии находятся могильные холмы, или так наз. курганы. Большею частью курганы видны на высоких местах, служащих водоразделами между речными долинами; иногда по такому водоразделу курганы тянутся длинною цепью, далеко видною в степном просторе. Курганы Самарских степей большею частью небольших размеров: аршина $1\frac{1}{2}$ —2 в вышину и сажень 5 в окружности. Иногда кругом кургана заметно углубление—блюдце, т. е. остатки канавы, из которой брали насыщаемую курганом землю. Но местами попадаются курганы крупных размеров, напр. так называемые «мары» Новоузенского уезда, или курганы южной части Самарского уезда. Курганы нередко делались добычею хищников—искателей кладов; многие курганы без толку изрыты и должны считаться погибшими для науки. В других погибали сами искатели сокровищ, неосторожно подрывшиеся внутрь кургана узким подземным ходом. Надо иметь в виду и разъяснить населению, что раскопка курганов без дозволения Археологического Общества или Археологической Комиссии воспрещена нашими законами. Небольшие курганы раскапываются сверху, причем на вершине кургана роется четырехугольная яма, аршина $2\frac{1}{2}$ в каждой стороне. Постепенно показываются гнилушки старинного сруба, если такой был сделан для погребения, потом—кости скелета и около них различные вещи. Обыкновенно (в Самарских курганах) покойник лежит на спине; голова свернута на сторону, возможно—от давления земли; руки сложены на животе. Кругом топор, копье, нож (мужское погребение) или бусы, браслеты, кольца, если погребена была женщина. Часто встречаются глиняные сосуды с остатками пищи, или железные и медные котлы.

Нередко раскопки приносят большое разочарование: ничего не открывается, кроме костей. И вообще говоря, наши обыкновенные курганы не заключают в себе ничего имеющего рыночную ценность; редко попадаются украшения из серебра и то очень плохого. Судя по строению черепов, в курганах покоются люди разных племен; одни с продолговатым черепом, низким лбом и сильно развитыми надбровными дугами, придававшими лицу несомненно свирепый вид; другие—с аккуратно сформированной головою круглой формы, с высоким лбом и соразмерными очертаниями лица. Курганы крупных размеров повидимому обещают более разнообразную добычу. Случайные раскопки, между прочим—при проведении Оренбургской железной дороги, обогатили наш городской музей бронзовыми идолами, золотыми бусами, металлическими зеркалами, каменными блюдами с интересными на них узорами и т. д.

Несомненно, что Самарские курганы различного происхождения. Есть сведения, что в Бузулукском уезде встречаются курганы древней, полусказочной Чуди, знаменитой своими медными рудниками. Обычные курганы, вероятно, принадлежат племенам финским и тюркским (в частности—татарам). Курганы крупных размеров могли быть насыпаны более древними обитателями края.

Кое-где (главным образом—на юге губернии) на курганах попадались грубо выбитые из дикого камня статуи, так наз. «каменные бабы». Одна из таких «баб» имеется в городском музее.

Иногда старинные погребения открываются не в форме курганов, а в виде целого кладбища, или могильника. Один такой могильник случайно найден был недалеко от Самары, на границе между городской землей и владениями Барбашиной поляны. Погребения в этом могильнике сходны с погребениями в обыкновенных курганах: такое же положение тела (обыкновенно с С. на Ю.) орудия железные, украшения медные, сосуды грубо вылепленные из глины. В юдной могиле покойник, видимо богатырь, лежал на подложенном под него поперек могилы коне; в другой найдены были сразу кости мужчины, женщины и ребенка. Среди украшений обращают на себя внимание медные браслеты и кольца с орнаментом, бусы из какого то пестрого, видимо—искусственного камня, обделанные в бусы морские раковины,

целости жука—чолена, также служившие для украшения. Древность могильника пока находится под вопросом, но возможно, что некоторые погребения восходят к XVI веку, а может быть и к более раннему времени.

Наконец! встречаются у нас в губернии остатки древних укреплений, так назыв. «Городища» и длинные валы, служившие защитой от врагов-иноплеменников.

Можно полагать, что лишь незначительная часть того, что так или иначе найдено было из Самарских древностей, хранится в музеях и записано в различных сочинениях. Много разошлось по разным рукам и частью пропало, частью попорчено или переделано, частью бесполезно лежит у отдельных лиц. Интеллигентным труженикам края и, в особенности,—народным учителям необходимо заняться обследованием имеющихся около них древностей. Весьма желательно было бы привести в известность, где и какие имеются у нас речные стоянки, курганы, могильники, городища. Надо расспрашивать местных жителей, нет ли у кого старинных предметов и несогласны ли будут их владельцы пожертвовать или продать их для Городского Музея. Необходимо при каждом предмете иметь его «паспорт», т. е. запись, где именно (село, деревня, при реке, в овраге, на какой глубине), кем и когда найден этот предмет.

3. Словесными памятниками письменными являются разные грамоты; юридические документы: купчие крепости, договоры и условия, счета и росписки; церковные летописи; частные дневники и записки, письма и т. д. Земским статистикам удавалось находить у крестьян царские грамоты на землю и старинные договоры с инородцами. Интересный материал могли бы дать архивы волостных правлений, не говоря уже об архивах присутственных мест как Самарской губернии, так и соседних с нею—Симбирской, Оренбургской и Саратовской, части которых вошли в состав нашей губернии. При невозможности препроводить в музей подлинный документ, желательно иметь точную его копию—слово в слово, строка в строку, или по крайней мере—подробное изложение его содержания.

Устные памятники заключаются в народных сказаниях, песнях и других произведениях народного поэтического творчества. Важно вести точную запись этих произведений, с тщательным соблюдением местного го-

вора (а не по книжной грамматике), и особенно в нынешнее время, когда народное творчество или совсем вытесняется газетой и книгой, или переживает время тяжелого перелома в искании новых форм и нового содержания.

4. Необходимо, наконец, уделить внимание остаткам старины, хранящимся в чертах современного народного быта. В особенности следует иметь это в виду в отношении к быту многочисленных наших инородцев. Вот он живет теперь в избе, построенной по обычному русскому образцу. А во дворе у него имеется летняя кухня,—шалаш с земляным полом, с очагом посредине, без потолка, с неплотной крышей из драни. На гумне, конической формы, овин из жердей («шиш»), а где нибудь на берегу речки—землянка, играющая роль бани. В обратном порядке, это—история жилища нашего инородца: сначала он ютился в землянке, потом стал строить «шиши» (у северных инородцев—чум) и шалаши, пока не дошел до русской избы. Обратим внимание на имеющуюся в этой избе утварь. С одной стороны мы увидим вещи обычного вида, купленные на базаре, и рядом с ними самоделщину: ковш-корец, умело вырезанный из найденного на дереве нароста, узорчатый валец и т. д. У досуга домашние вещи делаются с резьбой, украшаются головками зверей и птиц. По этим образчикам древнего быта можно воспроизвести довольно полную картину этого быта, и собрание указанных предметов может оказать услугу местной истории.

II. Древнейшее население края.

5. Древнейшие судьбы нашего края определяются прежде всего его географическим положением. Обширное пространство Самарской губернии не представляет собою однородного географического целого: приблизительно течением р. Самарки оно делится на две неодинаковые по природе области. Северная область истари богата была лесами и водою; здесь рано можно было заняться лесными промыслами и отчасти рыболовством. Южная половина губернии представляет собою непрерывное продолжение великой средне-азиатской степно-пустынной области, поле действия кочующих народов.

Тут—ворота в Азию, широкая большая дорога, по которой с незапамятных времен двигались племена, следуя, главным образом, вековому направлению с Востока на Запад, соответственно историческому натиску Азии на Европу. Уже было замечено, что по некоторым данным в нашей губернии кое-где (в Бузулукском уезде) встречаются следы древней Чуды, занимавшей обширные земли по Уралу и Запад. Сибири до Алтая. По низовьям Волги до Донского волока с 6-го века по Р. Х. возникло могущественное хазарское царство, очень пестрое по своему населению, знаменитое торговлей и богатыми городами—Итилем, близ нынешней Астрахани, и Саркелом (иначе—Белая Вежа) по среднему течению Дона. К северу от хазарского царства, по Волге и Яику (Уралу) одно время жили Печенегы, по отзывам восточных писателей—самое многочисленное и самое воинственное из всех тюркских племен. Это был народ великорослый, длиннородый и усадый,—отличные наездники и стрелки из лука. Богатство их заключалось в многочисленных стадах; была у них золотая и серебряная утварь, богато украшенные пояса и знамена на конях. В конце IX-го в. (893 г.) они были вытеснены за р. Дон, в черноморские степи, где и сделались опасными врагами Киевской Руси. По землям нынешних уездов—Бузулукского, Бугульминского и отчасти Николаевского с истари бродили башкиры, о которых арабские писатели начинают упоминать уже с IX века. Ибн-Даста (начало X века) говорит, что «между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев мадьярских. Мадьяры—это тюркское племя. Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища». Здесь под именем мадьяр разумеются башкиры: у арабов наименования: унгар—маджгар,—башкир употребляются постоянно одно вместо другого. Западные путешественники также отождествляли башкир с венграми и самую страну их называли «Великою Венгрией». По своему анатомическому типу, по характеру, языку и религии башкиры близко подходят и к татарам, но, благодаря обширности занятой ими территории, долгие других тюркских племен сохранили подвижной, полукочевой образ жизни. Имя «башкурт»—волчья голова, вероятно, произошло от отличительного знака, или тамги, усвоенной этому племени.

6. Северные части нашего края входили в область влияния поволжских болгар. Башкирские грамотеи считают «болгарцев» своими предками. По мнению современных ученых, обломки значительного некогда болгарского народа сохранились в лице чуваш и отчасти черемис. Старинные насельники среднего Поволжья, волжские болгары, давно были известны арабам, как посредники в европейской торговле. Арабские писатели дают не очень высокую оценку болгарской культуре, очевидно—по сравнению с собственной, арабской; но все же у болгар были большие города (главный из них—Великий Булгар, близ нынешнего Спасска, Казанской губ.) с каменными постройками общественного значения; были свои архитекторы, известные и современному им русскому человеку. Сохранялся обычай летом переселяться в особое жилище, но господствующий образ жизни был прочно оседлый и процветало земледелие: сеяли пшеницу, просо, ячмень. Было много скота, подати платили воловьими кожами и народ ходил в сапогах. Дружинники русского князя (Владимира) заметили, что болгары «суть все в сапозех», и посоветовали князю—оставив болгар, поискать других, более покладистых данников, которые были бы лапотниками.

В XIII веке Самарское Поволжье потерпело опустошение от нашествия Батыя. На р. Яике Батый разбил передовые болгарские отряды и, пересекши нашу губернию, приблизительно, по течению Самарки, поднялся вдоль Волги к северу. Вошедши в землю болгарскую, рассказывает старинный историк (Татищев), татары сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю. Толпы болгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили кн. Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим. Около нынешних Тетюш татарские полчища переправились на правый берег Волги. Утвердилось владычество так назыв. Золотой Орды с ее столицей—Сараем, на границе нынешних губерний Самарской и Астраханской. Говорят, развалины татарских поселений тянутся здесь на протяжении 90 верст. Путешественники XIII в., старинные карты XIV—XV в.в. указывают кроме того ряд других городов, как напр., Уккек (близ Саратова), Сумеркент, Бельджаман (ок. Дубовки) и др. При

всей тяжести татарского ига Русь с нашествием тагар втянулась в обширный торговый оборот со степью и Востоком. До последних времен памятными остались «ордобазарные» дороги, по которым в старые времена (в XV в.) проходили тысячи купцов и прогонялось зараз более 40 тысяч лошадей (табуны—«ордобазарные станции»). Правда, главная такая дорога проходила мимо нашего края—«степью по крымской стороне (правый берег р. Волги) на Царицын, а с Царицына на Украиную—на Тамбов, да на Шацкой», но несомненное влияние этого оживленного движения захватывало до известной степени и луговую нашу сторону. В половине XIV века, вследствие внутренних междоусобий, богатство и благосостояние Золотой Орды начинают клониться к упадку, а в самом конце века новый азиатский завоеватель Тамерлан произвел страшное опустошение всего нижнего Поволжья и разрушил здешние селения и города. Путешественники XV в., наш известный купец Афанасий Никитин и венецианец Контарини (1466, 1476 г. г.) проехали по Волге от Астрахани до Казани и на всем этом пути не изидели ни одного города. Удар, нанесенный Тамерланом Золотой Орде, ускорил ее распадение на отдельные царства (Казань, Астрахань, Крым), а это распадение, в свою очередь, подготовило завоевание Казани и Астрахани русской властью.

После падения Золотой Орды потомки золотоордынских татар становятся у нас известны под именем Больших Ногаев, или ногайской орды. Большими скопищами, до сорока тысяч кибиток, ногаи привольно кочуют вдоль левого берега Волги, поднимаясь по ней до самой р. Камы. Со времен Грозного ногаи считаются в русском подданстве, но долго еще имеют своих ханов, как бы подручников русского царя. С половины XVII века ногайцам пришлось столкнуться с сильным соперником, в лице вновь переселившегося из Азии, именно из Джунгарии, ойратского или калмыцкого народа. Часть ногайцев должна была признать над собою власть калмыков; другие, быть может, перешли к своим соплеменникам Малым Ногаям, к Азовскому морю. Калмыки показали себя храбрыми воителями. В 1639 году десять тысяч калмыков делают попытку взять г. Самару; еще через несколько лет разоряют русские поселения в местах прикамских. В 1644 г. Самарский воевода Плещеев нанес

калмыкам серьезное поражение; правительство наградило за это дело начальников отряда золотыми. Но опасность от калмыков не прекратилась. Знаменитый калмыцкий хан Аюка, с которым дважды счит нужным повидаться лично сам великий Петр, шесть раз присягал русской власти, но, как замечает знаток калмыцкого народа (Иакинф), «клятву они считают средством выиграть, а клятвопреступление и вероломство—пустыми словами...» И наши воеводы жаловались, что калмыки «на той своей шерти (присяге) не устояли: города и уезды воюют, села и деревни жгут... людей побивают и в плен емлют». Ниже рассказана будет дальнейшая судьба калмыцкого народа в Самарских пределах.

Последними по времени в наших краях являются киргизы, или киргиз-кайсаки. Обломок великого царства Чингис-Хана, киргиз-кайсацкий народ («казакская орда») становится известен русским властям еще при Грозном, когда киргизы делали нападение на ногайские улусы. Не раз заходила речь о принятии киргиз-кайсаками русского подданства, но состоялось это только в 1732 г., причем для защиты новых подданных построен был Оренбург. С тех пор киргизы доставляли немало забот русскому правительству своими внутренними неурядицами и разбойничьими нападениями на русские поселения и хивинские караваны. В самом начале XIX века часть киргиз-кайсаков под предводительством султана Букея переселилась в нынешнюю Астраханскую губернию и положила основание внутренней или Букеевской орде, в непосредственном соседстве с нашею губернией. Это было едва ли не последнее переселение народов из Азии в Европу. В настоящее время киргизы—близкие соседи Новоузенского уезда, но еще не так давно хорошо известны были и в Самаре; левый берег р. Самарки считался «киргизскою стороною». Вероятно, и сейчас еще найдутся старики, помнящие, если не по личному опыту, то по рассказам родителей, какая опасность грозила от киргизских набегов, во время которых не только угонялись стада и расхищалось имущество, но и захватывались в плен жители, преимущественно женщины, чтобы потом очутиться в качестве рабов на базарах Хивы, Бухары или Туркмении.

Такова пестрая картина бывшего населения нашего края. До сих пор почти ничего не сказано было о мордве,

чуваших, вотяках и др. инородцах, которых не мало в губернии. Но они явились уже в позднейшее время, как переселенцы, одновременно с русскими.

III. Первоначальное заселение Самарского края русскими людьми (XVI и XVII века).

8. Есть предположение, что нижнее Поволжье и в частности Самарский край увидали у себя русских поселенцев с ючень давнего времени, быть может—еще с тех пор, когда население Киевской Руси, теснимое кочевниками, стало искать себе новых земель. Между прочим указывают на тот факт, что во второй половине XIII века была учреждена православно-русская епархия в Сарае, и заключают отсюда, что в Золотой Орде было много русских христиан. Но учреждение сарайской епархий вызывалось главным образом потребностями князей с их свитами и других русских людей, которые являлись в Орду по политическим и торговым делам. Имелось также в виду дать религиозное утешение русским пленникам и по возможности внести в Орду проповедь христианства. До начала XIV в., когда татары стали принимать магометанство, они относились к христианству снисходительно и даже с некоторым интересом. В Самаре держится старинное предание, впервые записанное со слов Самарских жителей писателем XVIII в. Рычковым, что св. митрополит Алексей на пути в Орду останавливался у какого-то пустынника на месте нынешней Самары и предсказал возникновение на этом месте большого города. Сейчас в Самаре, на берегу Волги имеется часовня и церковь во имя святителя Алексея и святитель почитается небесным покровителем города.

Более определенные исторические данные позволяют утверждать, что до завоевания Казани и Астрахани русские люди пускались по Волге сначала для грабежа, а со временем лишь с промышленно-торговыми целями; настоящая колонизация нашего края русским народом началась только во второй половине XVI века. Что касается разбойничьих набегов русских удальцов на нижнее Поволжье, то память об них восходит к очень далекому прошлому. Во второй половине XIV века новгород-

ские ушкуйники ходят Волгою на болгар и спускаются по Волге до Сарая и Астрахани. Немного спустя новгородец Айфан разгуливал по Волге с 250 судами. В конце XV в. вятичи напали на Сарай, ограбили его и увезли жен хана Ахмата. Однако мало-по-малу эти набеги уступают место мирным сношениям, достигающим современем крупных размеров.

В 1521 г. казанский царевич Шиг-Алей вел с собою в Москву более 1000 рыболовов московских, «ловящих рыбы на Волге под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека (приблизительно от Ставрополя до Саратова): тысячу верст от Казани заехавше, тамо живяху все лето и в осень возвращахуся на Русь с рыбою». В эпоху Ивана Грозного с верхней Волги каждое лето проходило пятьсот больших и малых судов до Астрахани за солью и рыбою.

9. Закрепление всего течения Волги за русскою властью естественно повело за собою и более прочное проникновение русского населения в нижнее Поволжье. Состояние народной жизни, претерпевавшей на исходе XVI века тяжелый общественно-экономический кризис, побуждало русских людей искать себе новых мест, свободных и привольных. Теснимые общественными неурядицами, насилием властей, тяжкими поборами, истощением почвы, — люди «брели розно», часто наудачу, куда глаза глядят и куда случилось. На расспросы властей о причинах переселения новоселы заявляют, что ушли со старых мест «от скудности», «с голоду», «от хлебного недороду». Со времен царя Алексея Михайловича присоединяется и еще причина: люди бегут «от церковного расколу». Соблазняли и слухи о поволжском приволье... Но в этом отношении переселенцу часто приходилось испытывать большие разочарования. Наш обширный край тогда представлял собою картину нетронутой культурою первобытной и дикой природы. Северная часть губернии покрыта была густыми лесами, в которых в изобилии водились дикие пчелы и пушные звери. Еще во второй половине XVIII века памятники отмечают, что «без бортных ухажеев во всей Закамской (считая от Казани) черте лесов нет». Есть известие, что у башкир борти водились даже в 1850-х годах. В XVIII веке в нашем краю еще встречались бобры (по рассказам академ. Палласа), а первоначально «бобровые гоны» являлись здесь

основною доходною статьею. Густо поросшая лесом, страна изобилуема ручьями и речками; то и дело попадались болота. В южной части края целинная почва степи была во владении кочующих инородцев и сравнительно поздно стала привлекать к себе оседлое русское население. По всему пространству нашего Поволжья земледелие едва только начиналось.

Таким образом, русскому переселенцу нелегко было найти достаточное количество годной для пашни земли. Он старался подыскать место повыше (посуше), — «на гриве», «на враге». Если это было близь большой реки, по которой можно было опасаться появления врага, выбиралось место закрытое и незаметное со стороны реки. Выбрав место, «дворы ставили, лес секли, перелогі раздирали и землю распахивали». Ценились так назыв. «пустоши», т. е. раньше заселенные, а потом почему нибудь заброшенные поляны, на которых обработка земли могла быть полегче, чем на свежей лесной порубке. Пахотной земли, особенно «земли доброй» числится за крестьянами немного: напр., на 8 дворов крестьянских да 2 бобыльских пахотной доброй земли только 36 четей (18 десятин) в поле, значит — всего в трех полях 54 десятины. За то поселенцы владели большими санными покосами и громадными участками леса, которые измерялись иногда не десятинами даже, а верстами. Инородческое население, приходившее на новые земли одновременно с русскими, занималось преимущественно санными покосами, а за служилыми инородцами (этаких было не мало) находились и другие доходные статьи: рыбные ловли по рекам и озерам, бортные ужожи, бобровые гоны, перевоз и мельницы на реках и — кабаки. Только мордва внимательно относилась к земледелию, и земледельческая культура края обязана собою неусыпному труду великоросса и близко подошедшего к нему мордвина.

Вообще следует отметить, что, наряду с русской колонизацией нашего края, идет и усиленное переселение в него инородцев из тех русских областей, где инородцы или были захвачены русским завоеванием, или являлись переселенцами, вследствие нападения на них других народов. У инородцев были свои причины стремиться на новые места: притеснение властей были для них тяжелее и кроме того нередко угнетало насильственное навязывание христианства. Бывали случаи (в нижегородских

пределах), что целые области инородцев пустыли и люди пропадали неведомо где. Из Казанской губернии потянулись в наши края татары, черемисы; из Нижегородской, Симбирской и Вятской—чуваша, мордва, вотяки; даже из Сибири явились мещераки, поселившиеся в нынешней Уфимской губернии.

10. Переселенцу на новые места, одинаково-русскому и инородцу, надо было так или иначе освободиться от своих обязанностей на старом месте: или сдать свое тягло другому, или просто пуститься в бега и искать счастья на новых землях. И в том и в другом случае у переселенца не могло скопиться больших средств для заведения нового хозяйства. Люди долго бродят с места на место: «сошел с своего села тому лет десять и жил, переходя в разных местах»—обычное показание новосела. И пристроившись, наконец, к одному месту, поселенец часто не мог завести собственного хозяйства и должен был проситься к комунибудь из местных людей в избу с условием помогать хозяину избы в его работе. На языке старины это называлось—сделаться «захребетником», «подсоседником» или «соседом» более прочно осевшего поселенца. Людей было мало и рабочие руки ценились: соседей охотно принимали. Бывали случаи, что у такого соседа, раз он понемногу становился на ноги и заводил свою лачугу, являлся свой подсоседник или захребетник. На вопрос властей человек рассказывает, что он «помогает такому то крестьянину в оброчном тягле», а своего тягла не несет. Мало по малу он обзаводится своим двором, но, не получив еще полного права на землю, остается пока на положении «бобыля». И только, приняв на себя определенное количество земли и соответственное тому тягло (определенную сумму податей и повинностей), поселенец становится настоящим, «тяглым» крестьянином.

В общем состав населения старинных сел и деревень нашего края был очень пестрый. В конце XVII века (после 1688 г.) на речке Кандале, впадающей в р. Майну (в нынешнем Ставропольском уезде), выходец из Пензенской области основал поселок Кандалу. Скоро в Кандале оказалось 168 крестьянских дворов, населенных «сходцами» преимущественно из Нижегородского, Симбирского, Казанского и Вязниковского уездов. Оказались тут большею частью дворцовые крестьяне и бобыли, а между ними служилые люди: казаки, сдавшие на родине свою служ-

бу другим, а сами ставшие оброчными крестьянами; дети служилых людей—сыновья стрельцов и казаков; сыновья людей, тянувших к духовенству; дворовые, отпущенные господами на волю. Нередко встречаются бобыли из городов и пригородов, попадают посадские и ямские люди, крестьяне светских и духовных властей того времени. Одни перешли на новые места «по челобитью», а иные—и «не бив челом великому государю», сняли у старых поселенцев часть их тягла и стали таким образом членами общины.

Обыкновенно в первые годы переселенцы освобождались от податей и повинностей, а земли их писали в тягло, соответственно количеству занятой ими земли. Единицею обложения является «выть», размеры которой в разное время были неодинаковые, между прочим—в зависимости от качества пахотной земли. Первоначально выть в наших местах заключала в себе 10 четвертей (5 десятин) в каждом поле, след. всего—15 десятин; впоследствии встречаются селения, в которых размеры выти доходят до 54 четвертей в поле. Крестьяне обязаны были платить с выти определенный денежный оброк и кроме того пахать в пользу владельца «десятину» (определенное количество земли).

11. Положение новоселов зависело в значительной степени от отношения к ним землевладельцев. Казалось бы, на свободной «дикой», «порожней» земле могло широко развиваться свободное крестьянское хозяйство. В разных местах Поволжья и Прикамья являются все время «починки», «новопочинки», основанные свободною инициативою крестьянства. Иногда основателю такого починка удавалось даже получить грамоту на право «порозжею землею и санными покосы владеть и платить с той порозжей земли и с санных покосов великого государя в казну денежный и хлебный ясак». Поселок растет и богатеет, ясак ему увеличивают вдвое-вчетверо. Но вот влиятельный сосед, в лице какого-нибудь монастыря, обращает внимание на новоселов и без всякого смущения обращается к государю с просьбой «пожаловати монастырь и тою новоросчиною землею, и санными покосы, и крестьяны». Челобитье нередко удовлетворяется, и происходит настоящий разгром с великим трудом налаженного благосостояния: предписывается «крестьян того починка, которые пришли из разных городов и из дворцовых сел, поки-

ня свои старые службы и тягла, развестъ по тем же городам и селам, где наперед того жили; а которых в том починке явятся помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне, и тем крестьянам быть в том починке за монастырем (от которого была челобитная) по указу вел. государя, покамест отыщутся помещики и вотчинники». Пустили в ход грамоту, данную основателю починка, кое-как крестьяне на-половину себя отстояли; но все же в конце концов монастырь получил деревню в 20 дворов с хорошою землею, богатым сенокосом и огромным лесом.

Вообще, по замечанию историка Поволжья (Перегатовича), духовенство «обнаруживало значительную долю прозорливости и умения в выборе мест», выпрашивая себе разные угодья и населенные земли, а благочестивое правительство не считало возможным обижать церковных властей отказом. По всему нашему Поволжью протянулись владения влиятельных монастырей: Костромские монахи, а затем сам патриарх находят себе земли в нынешнем Ставропольском уезде, по р.р. Утке и Майне; Чудов монастырь (в Москве) получил (1606 г.) право рыбной ловли «в Самарских тихих сосновых водах до устья р. Елань-Ирпиза»; Новоспасскому монастырю (также в Москве) пожалован был «Ирпизский юрт по обе стороны тех вод и Волги реки по старым рубежам, с речки и ерики, и с буераки, и с озера, и с займищи»... Помимо обычных доходных статей монастыри удачно изобретали и новые применительно к потребностям края. Так на бойком месте (на берегу Волги один монастырь построил баню для проезжих людей; «а банной берут с человека по полу-деньге (1/4 коп.)» У монастырей является большею частью достаточное количество рабочих рук, и между прочим потому, что богатые и многоземельные монастыри не имели нужды слишком обременять своих крестьян, и за монастырем вообще говоря, жить было легче. Любопытно, что в распоряжении монастыря были не только зависимые землепашцы — оброчники и барщинники, но и другие рабочие люди, так назыв. «детеныши», «годовые назм-ные», грудом которых монастырь с выгодою мог эксплуатировать свои обширные угодья.

Помимо монастырей и церковных властей, владельцами земли по Поволжью были служилые люди (как русские, так и инородцы), которым правительство усиленно раздавало поместья в новых краях, чтобы прочнее закре-

пить эти края за русскою властью. Получить поместье на окраине государства было не только правом, но и обязанностью служилого человека. Получив указ ехать на службу в Поволжье, служилый человек отправлялся на место и обыкновенно сам отыскивал себе свободную землю и просил местного воеводу назначить земельного «откащика» (от слова отказывать) для отвода ее владельцу. Откащик отправлялся «на порожнюю землю, на дикое поле»; не доезжая земли, брал с собою «тутошних и сторонних людей, сколько пригоже», расспрашивал их о найденной челобитчиком земле и если те показывали, что эта земля «ни в поместье, ни в оброк никому не отдана», то отводил ее челобитчику в поместье или в вотчину, т. е. или во временное или в наследственное владение. Поместия нередко нарезывались мелкими жеребьями в разных местах, и помещик не успевал как следует смотреть за ними. Если вотчины пользовались еще более внимательным уходом, то поместья подчас пустели: «лесом поросло», и крестьянам за такими помещиками жить было гораздо тяжелее, чем за монастырями. Конечно, много значило и то, что помещики, как говорит старинный Московский писатель (Котошихин), «подати свои на крестьян своих кладут сами, сколько с кого что взят», и трудно было поставить предел этому произволу.

Что касается служилых инородцев, то им отводились преимущественно бортные ухажан, бобровые гоны и рыбные ловли, иногда на огромном пространстве. Так, напр., в 20-х годах XVII века один из служилых инородцев заявляет, что «за отцом его было бортных ухажей и бобровые гоны и рыбные ловли за рекою за Камою по речке по Волге, по ногайской дороге, ниже Тетюш по Майне реке, а..... нижняя межа по Красный Яр».... Бортные ухажан сдавал он на оброк «Свияжского уезду с горной стороны Чюваше». Понятно, что такое владение без постоянных поселений, «наезде» не могло быть особенно прочным и правительство при случае мало считалось с владельческими правами инородцев.

12. Трудности поселения на новых землях, среди первобытной природы и при неблагоприятных общественных отношениях, усиливались теми опасностями от лихих людей, каким подвергался переселенец. В потоке всякого рода беглых, гулящих и по старинному выражению воровских людей, устремившихся в нижнее Поволжье,

не мало было таких, которые не прочь были поживиться на счет торговых и царских караванов, а также и постоянных жителей Волжского побережья. Огромный изгиб, который делает Волга, образуя так назыв. Самарскую луку, был любимым местом подвигов вольного казачества. Недалеко от Самары вниз по Волге селение Кольцовка и Ермаковка названы, по преданию, именами Волжских удалцов. По реке Усе, пересекающей Луку, казаки перегоняли плывшие по Волге суда и неожиданно нападали на них около нынешнего г. Ставрополя. Устье р. Самарки, занимающее средину Луки, давно обращало на себя внимание и представлялось важным стратегическим пунктом. На старинных картах XIV в. (Пиццигани) и XV в. (Фра-Мауро) уже значится г. Самара. Кем был построен этот город и какова была его судьба—до сих пор неизвестно. В 1557 г. ногайский князь Измаил обращает внимание Грозного на некоторые особенно важные пункты по Волге, в которых, по его мнению, следовало бы построить города и посадить воевод; в числе пунктов особой важности он называет «Самарское устье». Высказывалось поэтому предположение, что Самарская крепость появилась уже при Иване Грозном. Но вполне определенное известие о г. Самаре относится к 1586 году, когда послана была от царя грамота «в новой Самарский город воеводе кн. Григорью Осиповичу Засекину». В грамоте сообщалось, что к ногайским мирзам отправлены были московские послы с поручением выяснить причины начатого построения новых городов по Поволжью. Царь успокаивал ногайцев тем, что новые города строятся для их же пользы: «мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, чтобы отнюдь никаких казак не воровал и на ваши улусы не приходил; того для есмь и город поставили на Самаре, чтобы вам и вашим улусам было бережно... И вы бы ныне кочевали по Волге и Самаре у нашего нового города, с нашими людьми у Самарского города торговали; а убытка вам из того города никоторого не будет»... Однако ногайцы плохо верили этим словам. Еще ранее построения Самары русская колонизация клином врезывается в области Прикамских и Закамских инородцев: появляются крепости Бирск (1554 г.), Мензелинск (1574 г.), Уфа (1586 г.). Ногаи тревожились не даром, и кн. Урус энергично протестовал против построения Самары. Но протест этот оскал-

ся, конечно, без результатов, тем более, что московское правительство умело привлечь на свою сторону отдельных татарских князей, объявивших выступление Уруса «дуростью»... Единодушия между ногайцами не оказалось.

Из грамоты 1588 г. мы узнаем, что в Самаре взималась пошлина с проходивших по Волге судов; в 1610 г. Самара значится в списке достойных внимания русских городов, составленном для королевича Владислава. В 1615 г. Самару осаждали ногай, но были отбиты; раньше уже говорилось, как Самаре пришлось отбиваться от калмыцких полчищ (1639, 1644 г.г.). В 1646 г. произведена была перепись г. Самары и уезда и составлена писцовая книга. В 1700 г. город опустошен был сильным пожаром. Такова скудная летопись внешней истории нашего города за первое столетие его существования. Ниже приведены будут сведения об участии Самары в народных движениях времени и некоторые данные о внутренней жизни города.

13. Так постепенно на нашем востоке появляются укрепленные городки—опора русского влияния и колонизации; иногда такие укрепленные пункты ставились даже частными владельцами «для приходу ногайских людей». Но отдельных крепостей было недостаточно, чтобы сдержать напор иноплеменных полчищ, и с давнего времени правительство приступает к постройке целых укрепленных линий. В 90-х годах XVI столетия местность подле Тетюш была обезопасена засекой, проложенной в вековом лесу. С 1648 г. начались работы по сооружению укрепленной «Симбирской черты» от г. Симбирска чрез Косунь и Саранск до Инсара. С 1651 г. постройка укрепленных линий переходит и на нашу сторону Волги. В этом году произведены были разведки, а с 1652 года, согласно заготовленным «рассиси и чертежу», началась самая постройка «Закамской линии». Начинаясь от крепости Белый Яр, черта шла на Ерыклинск и Тининск в пределах нынешней Самарской губернии и далее на Новошешминск, Запнск и Новомензелинск до р. Ика. Для производства работ наряжались из Казанского уезда «подымовные» (платившие подати с дыма, с избы) люди, по видимому главным образом чуваша, черемисы и вотяки, по одному человеку с трех дворов, а потом по одному с шести. По мере построения черты на нее переселяли людей из разных мест, водворяя их здесь на время или на

«вечное житѣе». Поселенцы из служилых людей писались «белопашенными казаками» и получали усадебную и полевую землю, иногда денежное жалованье. В некоторых крепостях поселенцев на вечное житѣе из служилых людей не было, а «стояли по переменам» по 50 чел. казанских стрельцов. Размеры земельных наделов иногда были незначительны: отводятся по 4 чети в поле, или рядовым стрельцам по 8 четвертей в поле и только пятидесятиникам по 10 чет. в поле. В общем крепостное строение и служба в крепостях составляли для населения весьма тяжелую и разорительную повинность. Недаром писались указы: «а будет которые служилые люди, стрельцы и крестьяне и бобыли.... на Закамскую черту ехать не похотят, и тех велено выслать и в неволю, а за ослушание.... бить батоги и сажать в тюрьму; чтоб однолично (во всяком случае) их на Закамскую черту на вечное житѣе выслать всех нынешним летом».....

Материалом для постройки крепостей служили прежде всего «тарасы», т. е. бревенчатые ящики, плотно набитые землей. Так белоярский город окружен был тарасным валом в сажень вышины и столько же в ширину; длина вала была в 142 сажени в одном направлении и 140 саж. поперек; по валу шел «острог» (плотный забор) из стоячих бревен, высотой в 2 сажени. На валу поставлено было 8 башен—по углам восьмиугольные, а остальные четырехугольные. И три из них с воротами; над воротами были иконы. В некоторых городах упоминается висящий на башне «государев вестовой колокол», или церковный «малый колокол, строения мирского». В крепости были караульные избы, приказная изба, баня, изба тюремная и т. д., затем церковь и несколько стрельецких дворов. Кругом города, в двух сажнях от вала, шел ров в 2 саж. глубиною. Вооружение Белого Яра состояло из трех пицалей (пушечек) медных на колесах, трех пицалей полковых, 405 самопалов (ружей). Было в запасе пороха пушечного свыше 9 пуд. и ручного 3 пуда. От города до города шли тарасные валы, защищенные рвом в 2 саж. глубиною и 3 саж. шириною. Досками устраивали засеку шириною от 40 до 60 саж., дос рубили на аршин или на два от корня и валили вершинами навстречу врагу. По тонким местам забиты были «семерные надолбы», т. е. толстые бревна, поставленные плотно одно к другому в несколько рядов (в данном случае—очевидно, в семь). Эта огром-

ная работа выполнена была в течение пяти лет, преимущественно в осеннее время, более свободное от земледельческих работ. Но, как показали обстоятельства, укрепление не везде оказалось достаточно надежным. Враг был плохо вооружен, но брал свою массу, и в 1654 году «воинские ногайские люди (в одном месте) засеку просекли и прошли Закамские места» с погромом русских селений.

В последующие годы идет заселение правого берега по Самарской Луке и далее, появляются г. Сызрань (1683 г.), г. Кашпир. В 1681—85 г.г. проложена была Сызранско-Пензенская сторожевая черта. Самарский край, ранее подкрепленный с северо-востока (Мензелинск, Уфа,) обоясывается теперь русскими укреплениями и со стороны Запада.

14. Любопытно, что уже в XVII веке московское правительство, в погоне за людьми и особенно ратными, необходимыми для защиты окраин, усиленно старается привлечь на свою службу иноземцев. Еще при Борисе Годунове в Казанском уезде упоминаются немецкие поместные деревни. Особенное же развитие поселение иноземцев получило при Алексее Михайловиче, благодаря его войнам с Польшей. Взявши у поляков Смоленск, царь решил (смоленских шляхтичей и казаков водворить «на вечное житие» в Казанском уезде. Так в Тинский острог прислано было 141 челов. и им отведены были земли и выдано пособие на дворовое строение по 6 руб. 26 алтын и 4 деньги; три года поселенцы пользовались казенным жалованьем по алтыну в день. По заключении Андрусовского перемирия началось переселение на Закамскую черту полоцкой шляхты. Велено было для новых поселенцев набрать крестьян из дворцовых сел «от 20 дворов по крестьянину с женами и детьми, и со всеми их животы (имуществом) и с хлебом, по жеребью из крестьян средней статьи», т. е. зажиточности. По рекам Угге и Майне шляхте отводилась земля: полковнику по 100 четвертей в поле и т. д. по чинам; рядовым шляхтичам по 60 четв. в поле. И «на тое землю государева жалованья крестьян»: полковнику 12 дворов, а низшим чинам и рядовым по 6 дворов. В последующее время мы видим целый ряд переселений служилых иноземцев Казанских, Уржумских, Свияжских и т. д., при чем им отмерено было по 60 четв. рядовым (офицерам соответственно больше) крестьян-

ской земли, а крестьяне сел Грязнухи, Кандады, Утки-Зеленовки и др. сведены были на другие «порозжие места». Так образовались новые села: Хмелевка, Малая Кандада, Помряскино и др. Тяжело досталось русскому крестьянину это переселение иноземцев: приходилось расставаться с привычною общиной и налаженным хозяйством, идти под власть помещика иноземца, обзаводиться хозяйством на новом, «порозжем» месте.

15. К концу XVII века усиленным трудом поселенца в Закамской стороне развивается земледельческая культура, строятся в значительном количестве большие мельницы, хлеб начинают сбывать даже на сторону, напр. в Нижегородскую область; благодаря предприимчивости отдельных жителей по р. Сосновке (между Ерыклинском и Тиинском) появляются винокуренные заводы. Но первобытная система хозяйства быстро истощала почву, с распространением лесных порубок мелели и исчезали ручьи и речки. Раньше во многих местах упоминаются мелкие крестьянские «меленки колотовки»; потом эти меленки переводятся и лишь на более крупных потоках появляются мельницы «Большое колесо», да и те иногда работают только в вешнюю воду или во время паводков от дождей. К изменению в худшую сторону естественных условий присоединяются указанные раньше тяжелые условия общественной жизни. Накопец неисчислимы были те потери, которые наносились трудовому населению нашего Поволжья вторжением кочевых обитателей степи, не говоря уже о физических и нравственных страданиях людей, оставшихся в живых после таких разорений. С другой стороны плохо было и степнякам, которым часто доводилось беспомощно смотреть, как у них отбивается русскою властью их старинное приволье. Неудивительно поэтому, что население Поволжья, составленное из пестрых и беспокойных элементов, чутко отзывалось на те движения, которые время от времени вспыхивали в народных массах.

В смутное время Поволжье опустошали «воровские» шайки, не сразу утомившиеся и после установления на Руси государственного порядка. В движении принимают участие и инородцы. Получено было известие, что ногайцы с знаменитым атаманом Заруцким «собралися... хотят идти к Самаре». Заруцкий в Астрахани объявил, что весною же отправится на стругах вверх по Волге

против льду с пушками под Самарский город и под Казань: «знаю я московские наряды, похвалялся он; покамест люди из Москвы пойдут, я до той поры Самару возьму, да и над Казанью промысел учиню».... Агитация имела свое действие. Правда, старые казаки говорили: «пока змея (Заруцкий) в норе, так тут над нзою и промысл чинить». Но молодые толковали: «нам все равно, где бы ни добыть себе зинунов, а то почему нам и под Самарской не идти с Заруцким».... И таких любителей зинунов нашлось 560 человек. Однако «московские наряды» предупредили Заруцкого и поход его не состоялся. Весною 1614 г. правительство снарядило двух стрелецких голов с 1000 стрельцов и с наказом: одному из них на устье Усы поставить острожек и в острожке укрепиться, а другому на переволоке, «где переволочатся с Волги на Усу-реку» (ныне с. Переволока), тоже поставить острожек и в острожке укрепиться для наблюдения за Астраханскими ворами и воровскими казаками и для защиты рыбных ловцов ото всяких воровских людей... Во всяком случае смутное время сильно опустошило Поволжье: писцовые книги свидетельствуют о заметном уменьшении населения. Новый удар испытало Поволжье вместе с остальной Россией во второй половине XVII века, когда по стране пронеслась чума: многие деревни стали «пустошами», так как «крестьяне с женами и детьми померли без остатка». Затем вспыхнуло на Дону казачье движение, перекинулось на Волгу и приняло здесь общенародный характер. Степан Разин взял Астрахань и победно шел вверх по Волге, всюду предоставляя населению выносить приговоры своим воеводам. Кое где воеводы бывали «одобренны» и оставались целы, но в большинстве являлись «облихованными» и предавались смерти. В конце мая 1670 года у Самары появились передовые разинские отряды, угнали скот и сожгли две крепостных башни. В самом городе казачья партия сначала встретила было некоторое противодействие в горожанах, но когда под Самарою появился сам Разин (в августе), приверженцы его взяли верх и город отворил ему ворота. Воевода Анфимов был казнен, дворяне и подьячие потоплены в Волге, а власть передана была атаманам, избранным «вольными голосами». После поражения и д Симбирском бежавший Разин, утративший славу непобедимости, не был уже внушен ни Самарой, ни Саратовым. Правда, после казни Разина Са-

мара дала убежище известному его товарищу Федьке Шелудяку и позволила ему оставаться в городе с его отрядом в ожидании ответа на посланную им в Москву просьбу о помиловании. Во времена народных волнений нужда заставляла дорожан держаться тонкой и нередко двойственной политики. Но усмирении бунта началась крутая и кровавая расправа с виновными; судя по всему, Самаре при этом не досталось.

В Ставропольском уезде записан длинный рассказ про Разина, расцвеченный сказочными подробностями. Действие происходит то на Азовском море и в Старо-Черкасской губернии, то в Астрахани и на Бирючьей косе; упоминаются Саратов, Сызрань, Болгары и рядом с ними какой-то Саропский (Саровский?) лес и почему-то Пермь. Разин со своими молодцами ездит водою на своей епанче или на кошке, может уплыть в лодке, нарисованной им на полу, побеждает неведомое страшное чудовище. Сам царь Иван Васильевич (?) не может справиться с ним «упорством» и вступает в переговоры: «положите, Степан, сколько за лето возьмете за прокат (казенных баржей), я заплачу». На казенных баржах делают знаки, и Степан их пропускает. Умирает Разин ста лет от роду на Сиверском острове, и тень его долго бродит по земле, пугает народ и просит, чтобы над ее телом сказали вечную память.

16. Обращаясь к внутреннему состоянию Самары в XVII веке, следует отметить, что обогатительства очень скоро показали, какой удачный выбор места сделан был при построении нашего города. Скоро через Самару проторился торговый путь на р. Яик, и в Самаре устроена была таможня. В 30-х годах XVII века Россию посетил один из писателей своего времени Адам Олеарий, состоявший секретарем голштинского посольства. Между другими русскими городами Олеарий видел и Самару. «23 августа (1634 г.), пишет Олеарий, ранним утром пустились мы дальше (от Соколовых гор) и еще пред восходом солнца приблизились к городу Самаре, которая находится в 350 верстах от Базани. Самара лежит на левом берегу, в двух верстах от Волги, построена четырехугольником и имеет несколько, хотя немного, впрочем, каменных церквей и монастырей. Имя свое город получил от реки Самары, которая одним рукавом, называемым: сын Самары (Sin Samar) изливается в Волгу в трех верстах ниже

города; главным же течением своим Самара впадает в Волгу гораздо ниже, именно 30 верст далее. Мы желали простоять (несколько у города.... Но так как нам был очень дорог дувший тогда благоприятный ветер, то мы распустили паруса и тронулись далее». Предполагают, что во времена Олеария главное течение Волги проходило ближе к с. Рождествену, а Самарка впадала в Волгу тем старинным рукавом, который теперь носит название Сухой Самарки. К описанию Олеария приложен и рисунок старинной Самары. Путешественник, видимо, не был особенно искусным рисовальщиком и изображенные им города (как то слишком похожи один на другой; но все же рисунок Олеария для нас интересен, как единственное изображение Самары XVII века. Город представляет собою тесную группу домов, среди которых местами поднимаются шесть увенчанных крестами глав. Кругом идет деревянная стена, укрепленная семью башнями; три выходят в степь и четыре на Волгу; средняя из тех, которые глядят в степь, с плоской крышей, вероятно для дальнего «вогненного бою», в одной из башен на Волгу имеются полукруглые ворота. Из документов позднейшего времени мы узнаем, что наш город с севера и востока окружен был лесом, за которым дальше к востоку простиралась степь. В длину город был 822 сажени, в ширину 162 саж. В 1703 г. деревянные укрепления сгорели и город был обнесен валом и глубоким рвом. Вал начинался близ Преображенской церкви и тянулся приблизительно по нынешнему Александровскому саду и Успенской улице; здесь его остатки долго потом служили помехою городскому благоустройству. На месте Алексеевской, ныне Красной, площади было озеро на обширной поляне. В близ нынешнего женского монастыря и на месте соборных скверов простиралась «дуброва». В городе был Спасо-преображенский женский монастырь и в нем в 1685 г. построена была каменная церковь, сохранившаяся после разных переделок и пожаров и до настоящего времени. В ней находятся две старинные иконы: одна Спаса-Нерукотворенного, писанная в 1688 г. в Симбирске, изографом Иваном Семеновым (имеется подпись); другая Смоленской Божией Матери, вывезенная, по преданию из Персии и почитаемая чудотворною. Соборным храмом, по преданию, была деревянная Троицкая церковь с приделом во имя Николая Чудотворца, стоявшая на крутом берегу

р. Самарки, между нынешними домами Журавлева и хлебными амбарами.

Население старинной Самары составляли прежде всего служилые «жалованные» (получавшие то или другое жалованье) люди: дворяне, иностранцы и казаки, подчиненные воеводе, состоявшему в свою очередь в ведении приказа Казанского дворца. Следующий разряд составляли посадские люди и городские обыватели. Согласно описи Самары 1647 г. «всего в гор. Самаре на посаде (было) посадских жилацких людей и их детей и братьи, и племянников, и внучат, и соседей и подсоседей 317 человек». Упоминаются жители с прозвищами «Чебоксаренин», «Казанец», «Красноярец» — обстоятельство, до известной степени характеризующее центральное положение Самары среди Поволжья.

Положение Самарского гарнизона было трудное и ответственное. Помимо постоянной опасности от ногаев, башкир, калмыков, — городу грозили и свои русские люди, промышлявшие разбоем. В 1614 году Астраханские воеводы писали Самарским, что «пошли.... на Иргиз охотники казаки Васка Резвой, Томилка Гайдук с товарищами до 60 человек, которые с Иргиза пошли на Волгу воровать», и потому воеводы просят не пускать их нападать «на рыбных ловцов и громить государевых казенных судов, проезжих торговых и всяких людей». Самарские власти не могли принять никаких решительных мер, так как «в Самарском всякие люди бедны и голодны, и хлебных запасов нет ни у кого»... Раньше мы видели, что от ногайцев и калмыков Самара так или иначе стбивалась. Может быть, в знак внимания к этим трудам царь Михаил Федорович (в 1643 г. прислал Самаре, «вестовой», набатный колокол весом в «14 пуд. 25 гривенок» (фунтов), который сначала висел на крепостной башне, а ныне находится на колокольне Казанского собора. В 1688 г. население Самары обратилось к царям Иоанну и Петру Алексеевичам с просьбою о награждении хлебом и денежным жалованьем за службу и подвиги в борьбе с юрдынцами. В Самару прислана была царская грамота, в которой значилось: укрепление Самарское наименовать городом, жителей Самарских — дворян, детей дворянских, иноземцев, стрельцов конных и пеших, пушкарей, посадских людей и всех чинов городских обывателей наделить землею в количестве ок. 120 тысяч десятин «в потомство», учинить

в том межевые признаки и грани и чертеж отдать Самарцам. Эта грамота подтверждена была в 1689, 1697 и 1700 годах. Землю велено было распределять между жителями сообразно происхождению и занимаемой должности на военной и земской службе, а между посадскими обывателями—по усердию каждого к государственным интересам. На право владения участком земли выдавалась грамота с указанием границ, обозначаемых живыми урочищами: ериками, деревьями, смежными владениями. Для получения участка и грамоты надо было «бить челом» государю и челобитную подавать всеводе.

17. Уезд, приписанный к г. Самаре, весь лежал на правом берегу Волги, по Самарской Луке. Земли в уезде находились во владении дворцового ведомства, патриарха и помещиков—«Самарян детей боярских». Более значительное село Рождественно (по описи 306 человек) принадлежало патриарху. За Рождественном было дворцовое село Ильинское (255 ч.) с двумя деревнями—Выползовой и Новой-Караульной (195, 140 чел.). Помещиков опись 1647 г. упоминает двоих: Филатова, владельца Шириева-Буерака (67 чел.) и Порецкого, которому принадлежал Ос-новый-Буерак (может быть—Осинька-Никольское в южной части Луки). Должно быть, в это время служилые люди только еще начинали осеменяться в Самарском уезде.

IV. Самарский край в XVIII и в начале XIX в.

18. К началу XVIII века русская колонизация охватила наш край с северо-востока и запада—со стороны Уфы и со стороны Сызрани, и понемногу проникала в Самарские пределы с севера—со стороны Закамской линии. Ниже этой линии Самара являлась по левому берегу Волги одиноким оазисом на краю дикой ордынской степи. Правда, с давних пор и русские и инородцы пытались пользоваться здесь санными покосами и вдоль берега рыбными ловлями, но работы эти приходилось производить «наездом», с постоянной опасностью от степного врага. «Межевать той земли и с вервью идти, и столбов ставить, и ям копать, и на деревьях грани насекать (полная картина межевания) невозможно, для того, что по

степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями и за тем их кочевьем крестьяне той землею не владеют, а опричь татарских кочевей на той луговой стороне русских людей жилья нет... Калмыки и Башкирцы зимуют и за зверями ходят, и их (русских) колют и грабят и от того их воровства они на луговой стороне нашей не пахут и сен не косят, а в округу де той земли дикая порозжая степь, а жилья ничего нет». Во второй половине XVIII века знаменитый путешественник Паллас рисует нам картину нашего края красками Купера или Майн-Рида. По его словам, все пространство между Яиком и Волгою жителей не имеет, а только бродят дикие лошади громадными табунами; следы косяков оных путешественник видел иногда на степи на целую версту. Весною и летом в этих пределах (в нынешнем Бузулукском уезде) являлись воо множестве дикие козы-сайгаки (нынешний герб Самарской губ.) и лоси, которых казаки бьют немалое число ежегодно. К осени башкиры пускали по степи огонь, и зола степного пожара утолняла почву к будущему году. Южная часть нашей губернии, в пределах Николаевского и Новоузенского уездов служила привольным местом кочевья для татарских, а потом — киргизских юрд, летом бродивших по степи и зимою собиравшихся по речным долинам в зимовки. И до сих пор по долинам Иргиза и Чатры встречаются остатки татарских и киргизских становищ и мечетей, а многочисленные курганы хранят в себе кости татарских богатырей. Судьба ставила русского человека пред необходимостью борьбы с прежними хозяевами края, которые в свою очередь привыкали видеть в русских главных своих врагов. Особенно упорное сопротивление русской власти оказали древнейшие насельники края — башкиры.

19. С падением Казанского царства башкиры принимают русское подданство и обязуются платить ясак: батман (10—20 фунтов) меду в 90 к. и лисицу в 80 к. или куницу в 40 к. с двора. Грозный дал башкирам грамоту, ограждавшую неприкосновенность их земель и угодий (1579 г.). Впоследствии (Соборное Уложение 1649 г.) запрещено было приобретать какими бы то ни было путями башкирские земли и переселяться на них из внутренней России. Но, несмотря на грамоты и запреты, и русские люди и в особенности инородцы неу-

держимо проникали во владения башкирского народа. Чуваши, мещеряки, черемисы, тептери нахлынули на башкирские земли и башкиры охотно их принимали, пользуясь от них данью или обязательной работой; земля сама по себе цены не имела. «Припустили мы на старинную свою вотчинную землю», говорилось в договорных грамотах,—таких то «поселитца, строиться и скота всякого водить, и жить, землю пахать, сено косить, лес рубить, зверей—выдры, норки, лисицы, куницы гонять и в лесах хмель щипать обще с нами»..... За все это взято деньгами (единовременно) 17 рублей и положено ежегодно ясаку по две куницы. Так заселилась постепенно восточная часть Бузулукского уез., а в западной в то же время путем покупки земли у башкир (вопреки закона) или просто самовольно появлялись селения помещичьих крестьян, преимущественно из Пензенской и Симбирской губерний, главным образом, по р.р. Кутулуку, Боровке и Току, как то: Державино, Воронцовка, Кротовка, Страхово, Куроедово и др. Казенные крестьяне появились на южной окраине уезда в Домашке, Утевке, Гвардейцах. В то же время шло заселение Бугульминского уезда. Построена была и заселена пехотными солдатами Черемшанская крепость (1741 г.). Так назыв. «малолетками» и пахотными солдатами заселены слободы—Верхне Кармальская, Кичуй и Бугульма. В общей сложности между 1735—1770 г.г. было основано до 25 селений, большею частью—вдоль линии Закамских крепостей. Жителями их были служилые инородцы и беглые крестьяне из губерний Курской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской, Уфимской. Теми же чертами отличается и колонизация Бугурусланского уезда, в котором за XVIII век основано было 114 селений. Обращает на себя внимание пестрота состава новоселов. Указом Оренбургской канцелярии 17448 г. велено было селить в Бугуруслане «разных выходцев и показывавших себя непомнящими родства и племени». Первым насельникам Бугуруслана предание усваивает характерные прозвища: Козел, Орел, Каток... Жители разных сел сказывали земским статистикам, что у них первыми поселенцами были «прощенные разбойники», «ссылные преступники», «из разных мест воры», «разные беглецы, бежавшие от погромов», «беглые из Сибири», даже—«беглые однодворцы».

Эксплуатация припущенников башкирами обратила на себя внимание русской администрации, и правительство обеспокоилось тем, что «башкиры отдают инородцам свои земли и владеют ими, как крестьянами (крепостными)». При случае припущенники могли усилить собою имевшуюся в распоряжении башкир вооруженную силу. Для поддержания русской колонизации с 1736 г. разрешается покупка башкирских земель, а для защиты русских поселений проводится новая Закамская укрепленная линия (с 1732 г.). Начинаясь у пригорода Алексеевска, основанного при впадении р. Кинеля в Самарку, еще в 1700 г. (назван в честь несчастного царевича Алексея), линия шла на север, к р. Соку, чрез редут Красный к Красноярской крепости, затем зигзагообразно направлялась к северо-востоку по левому берегу Сока чрез Чернореченский фельдшанец; при Сергиевской крепости пересекала р. Сок, шла на Кондурчинский фельдшанец и Черемшанскую крепость и, перейдя р. Шешму, оканчивалась у Кичуйского фельдшанца. Вторжение русского элемента, построение крепостей сильно тревожили башкир и заставляли их волноваться.

20. Так назыв. башкирские бунты начинаются уже с 1584 года. После этого они идут длинным рядом по годам 1662, 1664 («Сентовский» бунт), 1677, 1683, 1707, 1717... Среди башкир являются герои, воспетые в народных песнях:

Каракасал—батырь, каких мало в свете!

Хан, хан Каракасал едет, смотрите!

В белой чалме, на черном коне.

Грозно он саблею машет и правоверных скликает—

Идти на врагов, идти против неверных.

Биться с ним никому невозможно:

Его не берут ни копыя, ни стрелы, ни пули, ни сабли,

Он Богом храним.

Самые движения отличались необычайным упорством и жестокостью. Так в 1717 году волнение охватило громадное пространство: бунтовщики только 30 верст не дошли до Казани. Все селения по Каме Белой и Самаре были разграблены: церкви, дома помещиков и хлеб были сожжены, крестьян убивали или уводили в плен, нередко с женами и детьми и продавали в Хиву, Бухару или в Крым; стариков и малых детей сажали на колья,

а иных давили в заборах: «разберут звено забора, оставя бревно или два исподние, и покладут людей шеями на те бревна, а потом тем же забором наки сверху их заберут, и так всех подавят». Не меньшими жестокостями сопровождалось и усмирение бунта: казнено и убито было около 17 тысяч человек, роздано помещикам более 9 тысяч, сослано в каторгу 3 с половиною тысячи; башкирских деревень сожжено 696. Казни придумывались мучительнее и страшнее, чтобы дать острастку на будущее время.

Последний башкирский бунт XVIII-го века вспыхнул в 1755 году вследствие фанатичной проповеди башкирского ученого Абдуллы Мязгялдина, по прозвищу Батырша. Послание Батырши к народу, тайно распространявшееся «от жила до жила», переполнено жалобами на русских и ярко рисует ненависть к ним башкир. И действительно, русская администрация во многом повинна была пред башкирским народом. Вымогательство, лихоимство, притеснения всякого рода практиковались русскими чиновниками. Главный виновник возмущения 1717 г. Уфимский комиссар Сергеев был в Казни повешен на страх другим, но эти «другие» мало утрастились: в 1745 г. в Петербурге была учреждена даже особая комиссия для расследования злоупотреблений должностных лиц в Башкирии. Башкиры от таких единичных проявлений русского правосудия не получали удовлетворения. Не довольствуясь законным ясаком, правители стали требовать с башкир «подымные» (как с подчиненных инородцев) деньги и «выводные» с каждой свадьбы. Запрещены были (1736 г.) в башкирских селениях кузницы, чтобы башкиры не могли вооружаться. Велено было башкирам покупать соль дорогою ценою из казны (1754 г.), а не брать по-прежнему даром из соляных озер. Башкиры возмущались, говорили: «будем брать соль из казны Господа Бога нашего»... Батырша усиленно обращал внимание своих на то, что русские «и киргиз-кайсаков обманули, и ближние правоверные города, яко то: Ташкент, Бухарию и проч. разорить желают». Движение России в Среднюю Азию уже начиналось; еще Петр Великий, по замечанию Рычкова, имел попечение о том, чтобы «путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать». Недаром тот же Батырша

с чисто-восточною выразительностью пишет: «пришел правоверный народ наш в сердце и ревность, алчет их неверных тело есть и кровь их пить»...

21. Другого рода отношения правительство пыталось установить к калмыцкому народу. В среду калмыков довольно рано начало проникать христианство, не встречая в калмыцком язычестве тех препятствий, какие ставились христианской проповеди башкирским мусульманством. Русская власть всячески поощряла крещение калмыков, имея в виду замирение опасной орды. Внук Аюки-хана принял христианство с именем Петра Тайшина, его крестным отцом был сам Петр Великий. Владея 344 кибитками калмыцкого народа, Петр Тайшин мог распространять христианскую веру и между своими подданными, а после его смерти вдова его также выразила желание креститься и с подчиненными ей людьми переселиться поближе к русским. Правительство и раньше намеревалось изолировать крещеных калмыков от их неверных единоплеменников и наметило для этого полосу от устья р. Черемшана до деревни Царевокурганской (Царевщины). В 1737 г. княгиня Анна Тайшина прибыла в Самару, получив щедрую денежную субсидию от казны (9247 руб.); на будущее время ей было назначено жалованье по 500 руб. и муки ржаной по 500 четвертей в год. Зайсанги—калмыцкая аристократия—получали жалованье особо. На так назыв. «Куньей Воложке», против Девичьей горы и Молодецкого Кургана, в 1738 г. начали строить гор. Ставрополь—«Город Креста», с церковью, домом для княгини и домами для должностных лиц. Тем временем по Волге на судах и берегом на лошадях и верблюдах перевозились калмыки в количестве 700 кибиток, в которых числилось 2104 души. Велено было—«теми и другими способами казать им удовольствие и всякими мерами приохочивать, чтобы они сперва к кошению сена, а потом и к пашне хлеба возымели охоту». Для обучения калмыков земледелию сначала посылали из Ставропольского гарнизона по несколько человек солдат, а потом пытались поселить среди калмыков русских крестьян. Стали для калмыков заводить школы, учредили особый суд, организовали калмыков в отдельное войско на подобие казачьего. Калмыкам дано было право беспоплатной торговли лошадьми и рогатым скотом, и рыбной

ловли; предоставлена была питейная монополия. Пытались привлечь в Ставрополь купцов и построили для них на казенный счет 20 лавок. Денег было израсходовано много: правительство одевало и обувало, кормило и награждало деньгами, соболями, штофами и сукнами калмыцких владельцев и зайсангов, строило для них жилища, выдавало деньги и семена на первое обзаведение и т. д. Но калмыки с самого начала отнеслись несочувственно к своему переселению, в чем их тайно, но упорно поддерживали остававшиеся в язычестве ханы и духовенство. Правда, время от времени (1744, 1745 г.г.) из Астраханской губернии приходят новые партии калмыков в 10, 20 и даже 150 кибиток, но это было делом исключительно князей и аристократии. Одни приходили, а другие бежали от Ставрополя. В 1770 г. весь калмыцкий народ пришел в движение и решил возвратиться в старинную землю ойратов, заветную Джунгарию. В августе 1771 г., после семимесячного тяжелого пути 30 тысяч кибиток достигли р. Или и приняты были в подданство Китаю. Приблизительное число бежавших простиралось от 70 до 90 тыс. кибиток (250—350 тыс.) душ обоого пола. В пределах России осталось только около 13 тысяч калмыцких кибиток. Ставропольские калмыки, которых так и не удалось прочно устроить в наших краях, в 1842 г. были переселены в Оренбургскую губернию и вошли в состав оренбургского казачьего войска, будучи распределены по его полкам и водворены на новой линии. В Ставропольском уезде после калмыков остались села: Ягодное, Благовещенский-Сушан, Тенеево, Раковка, Курумочь, Красное Поселение, Кобельма, Преображенская Слобода, иначе Кошки. В памяти Самарского населения осталось, как приходилось тягаться с калмыками из-за земли и разных угодьев. В одной мордовской песне поется, как

Славный боярин Моисей Лаврентьич
В Москву почту отправлял,
В Петербург указы посылал;
Калмыки дерутся с Кошкинскими.
Из за чего они дерутся-ругаются?
Нет у кошкинцев земли пахать,
Нет у них и лугов косить,—
Из за этого дерутся они с ногаями (?)

Дерутся они за волосы до крови...

Из Москвы, из Питера велят из окрестностей понятых созывать:

Краснопоселкинские старики ответ дали:

Мы не пойдем—с калмыками хлеб-соль ведем;

И Шанталинские старики ответ дали:

Мы не пойдем—с калмыками хлеб-соль ведем...

Выручили жители другого села—три мордвина.

22. Как бы то ни было, а перед властью стояла неотложная задача—продолжать закрепление новых земель за русским народом. Решено было на р. Яике при устье р. Ори основать г. Оренбург и связать его с Самарой линией крепостей. В 1735 г. в устье Ори заложена была крепость (ныне Орск), а в 1736 г. всех укреплений в Оренбургском крае оказалось уже 21, не считая Самары и Пригорода Алексеевска. Из них в пределах нынешней Самарской губернии были укрепления—Красно-Самарское, Борское, Бузулукское и форпосты—Тоцкий и Сорочинский; в скором времени к ним прибавились крепости—Тевкелев-Брод впоследствии—Новосергиевская, и Елшанская. С проведением новой линии старая линия XVII века утрачивала свое значение и потому решено было Закамскую линию оставить, полки Закамской ландмилиции поселить на Самарской и Оренбургской линиях и для поселения в крепостях великороссийских людей и крестьян не принимать, принятых же помещичьих возвратить, а сидеть старых служб служилых людей. Так в пределах нашего края р. Самарка, вдоль которой протянулись новые крепости, стала границей русских поселений, а левый ее берег считался у русского жителя «ордынскою стороною».

Следует отметить, что наряду с заботами об ограждении края от врагов, русская власть в XVIII веке ставит себе и культурные задачи, правда тесно связанные с государственным, казенным интересом. Согласно своему увлечению судоходным делом, Петр В. издает ряд указов о постройке по Волге судов, с запрещением строить суда по старому, со скобами, и с строгим предписанием строить суда исключительно «новоманерные». Преобразователь имел обычай не задумываться над ломкою вековых привычек и издавал указ за указом, но видимо—указы действовали плохо и уже после Петра

(в 1746 г.) мы встречаемся с новыми правилами о постройке судов—с осадкой не более 10 четвертей. Другой ряд указов Петра и ближайших его преемников запрещает рубить (даже башкирам) заповедные леса, и в особенности по Волге и впадающим в нее рекам, и предписывает «беречь и размножать» приволжские леса. В 1817 г. Петр В. посылает своего медика Шобера исследовать Сергиевские минеральные воды. В 1728 г. велено было приступить к составлению описи и чертежа всех уездов Астраханской губернии, а в 1739 г. составлена карта земель Оренбургской экспедиции и Уфимской провинции.

23. В южной части Самарской губернии характер колонизации XVIII века представляет некоторые отличительные черты. Земли по р. Иргизу давно уже были известны русскому человеку, но пока давали убежище лишь гулящим и вольным людям. В начале XVIII века правительство решило привлечь сюда старообрядцев, которые с конца XVII века и без того стремились на новые места, избегая религиозных преследований. Целый ряд указов 1717, 1718, 1727 г.г. призвал старообрядцев к переселению на Иргиз, и скоро оказалось, что число переселенцев превысило 1000 человек. Еще в более широких размерах пошло переселение старообрядцев после либерального указа 1762 г., призывавшего русских людей—старообрядцев из-за границы. Указ обещал хорошее земельное обеспечение (до 70 тысяч десятин), свободу от податей на 6 лет и другие льготы. Потянулись переселенцы из пределов тогдашнего польского государства, с Ветки и Стародубья, писавшиеся при водворении на новых местах дворцовыми крестьянами. По Большому Иргизу основались многолюдные села (одно из них, с. Мечетное современем переименовано в г. Николаевск), а по степи, вдоль торговых дорог на Самару и на р. Яик, раскинулись своеобразные постоянные дворы «уметы», прославленные в народных преданиях рассказами о содержателях дворов-разбойниках, об укрывателях, необыкновенных силачах и смельчаках и т. д. Степной простор давал приют не только старообрядцам, но и другим разноречам: стали сюда переселяться, по совету своего учителя Уклеина, молокане. Наконец, здесь охотно и без больших придарок принимали всяких вольных

и беглых людей, которых выбрасывали на окраины неустройства тогдашней нашей жизни.

Правительство принимало меры к тому, чтобы колонизация имела планомерный характер. В 1739 г. последовал указ с вызовом желающих переселяться в Оренбургский край малороссов. Усиленная агитация специально посланного чиновника и значительные денежные суммы (до 30 тыс. р.) собрали до 1000 семейств, согласных на переселение. Но скоро охота переселяться пропала, и осталось лишь 46 семейств—«неосторожных и слабых людей», по выражению современного администратора (Неплюева), которые и образовали слободу Кинель-Черкасскую в нынешнем Бугурусланском уезде. Паллас застал здесь до 150 дворов и замечает, что малороссы «живут по старинному своему обыкновению... платье носят казачье, с польским сходственное, но большей части упражняются о разведении табаку и о скотоводстве». Указом Сената 1747 г. вызывались малороссы из губернии Харьковской и Полтавской для перевозки соли из Эльтонского озера. Солевозам дана была свобода от повинностей и земля по 30 десятин на душу, и они основали селения—Покровскую Слободу (ныне город), Квасниковку, Потемкино и др. Покровская слобода сделалась главным складочным пунктом перевозимой казенной соли и уже в 1773 г. имела 140 дворов, 2 церкви и на базарной площади, по словам Палласа, «чрезвычайное множество лавок».

24. Так же, как и в предшествующее время, только в более широких размерах, правительство заботилось о привлечении на новые земли иностранцев. В половине XVIII века была попытка—привлечь в Оренбургский край сербов, черногорцев, албанцев, волохов. Начаты были дипломатические и иные сношения, думали поселить иностранных гостей по Иргизу и в Мочинской слободе близ Алексеевска, истратили более 18 тыс. руб. и 6 тысяч червонцев. Но первые выходцы, поживши здесь года с три, пожелали служить в армии, а другие отпущены были к своим единоплеменникам в Новую Сербию, основавшуюся в Новороссийском крае.

Несравненно более крупные размеры и прочный характер получило переселение к нам немцев. Систематические заботы правительства о немецкой колонизации падают главным образом на время Екатерины II. Мани-

фестом 4 декабря 1762 года императрица призывала из Европы всех желающих, исключая евреев, свободно поселяться в наших степных владениях. 22 июля 1763 г. вышел другой манифест с подробным изложением условий переселения. Всем иностранным дозволено в империю въезжать и селиться где только пожелают. Переселенцам обещана свобода веры под условием не вводить пропаганды, «изъемя из сего разного рода находящихся в магюметанском законе прилежащих к границам нашей империи народов, коих не только благопристойным образом склонять в христианские законы, но и всякому крепостными себе учинить позволяем»... Колонисты, осевшие «на праздных местах», освобождались на 30 лет от всяких податей, повинностей и военной службы, получали денежную беспроцентную ссуду на обзаведение хозяйством с обязательством возвратить ее не ранее 10 лет и с рассрочкой на три года. Колонистам обещано было оставить «внутреннюю их юрисдикцию», и вообще заявлялось, что им «учинено будет всякое вспоможение и удовольствие». В Германию отправлены были особые комиссары для приема переселенцев, составления из них партий и для снабжения их кормовыми деньгами. Современем (в 1810 г.) было подсчитано, что колонистская семья при своем водворении обходилась казне в 500 рублей. В Петербурге строились дома для временного жительства приезжающих по делу колонистов, а на местах положено было выстроить им жилища «о четырех светлицах и кухне». Земли полагалось на семейство 30 десятин, из них 15 пашенной и по 5 сенокоса, лесных угодий и усадебной. Видимо, эти чрезмерные заботы производили тягостное впечатление на русское общество, и Екатерина заверяла (указ 8 дек. 1765 г.), что она заботится об иностранной колонизации «для единой общей совершенной пользы Богом врученной нам империи и наших верноподданных, дабы вырабатыванием тех пустолежащих земель и доставлением торгов, чрез получаемые произращения руками иностранных, умножались пользы и выгоды как всего вообще государства, так и каждого особь нашего подданного, приобретающего из того себе разные прибитки; по которому нашему основанию желаем и повелеваем сим иностранных людей поселениям в тех окрестностях, где оные производятся и впредь производиться имеют, природно нашим любезно верно-

подданным поселянам не толико никакого предосуждения не наносить, но паче еще доставлять им все удобовозможные выгоды». Заботы о немецких колонистах усиленно продолжают и при Павле I. Между прочим предписано было закрыть в колониях казенные питейные заведения, так как при них «колонисты становятся менее домовиты и дворы их хуже устроены», кабаки же решено было перенести в русские селения.

Всего в XVIII веке, с 1764 по 1800 г. в Самарской (нынешней) губернии по Николаевскому и Новоузенскому уездам основано 57 колоний, между прочим такие крупные в настоящее время пункты, как Екатеринодар (Баронск) и Ровное. Нельзя не упомянуть, что на первых порах немецкие колонисты мало оправдывали возлагавшиеся на них надежды. По замечанию Палласа, это были больше всего «рукомесленники, не могущие земледелием снискивать себе пропитание, и другие бродяги, которые обещают всему сему уезду худой успех в хлебопашестве». В 1804 г. министр вн. дел докладывал, что «первоначально вышло много дурных хозяев и большею частию самых бедных, кои мало по сие время принесли пользы государству». Казенные деньги за ними пропадали.

25. Таков был общий ход колонизации нашего края в XVIII веке. Относительно состояния Самары за это время мы располагаем следующими данными.

В 1708 г. при учреждении Петром В. губерний, Самара (в составе Уфимской провинции) отнесена была к Казанской губернии, а с 1717 г. перечислена в Астраханскую. В середине июня 1722 г. по Волге проехал Петр Великий и останавливался в Жигулевских горах, у Царева Кургана и в Самаре. Со времени учреждения Оренбургской экспедиции для построения г. Оренбурга и др. крепостей Самара по своим старым связям с Яиком сделалась центром управления Оренбургским краем и местом пребывания Оренбургских правителей. Здесь умер от чахотки начальник Оренбургской экспедиции Ив. Кир. Кирилов и был погребен при церкви Николая Чудотворца (ныне придел Казанского собора). В Самаре жил и его преемник, известный деятель и писатель В. Н. Татищев и имел здесь собственный дом. На колокольне Казанского собора имеется колокол с надписью: «вылит

742810

649 ПОДАЧЕНО

НАУЧНАЯ

по усердию т. сов. Татищева в г. Самару к церкви Св. Николая 1739 году». По распоряжению Татищева, в Самаре заведены были школы для калмыков и татар и переводились книги с восточных языков, а также приступлено было к составлению татарско-калмыцкого словаря. Заботы о школах для инородцев продолжались и при преемнике Татищева—Урусове.

Урусов и умер в Самаре и погребен был в трапезной Казанского собора, о чем свидетельствовала вызолоченная плита с гербом и надписью. В Самаре же имел пребывание Соймонов, а за ним (Недлюев, управлявшие Оренбургским краем. С Яиком поддерживались постоянные и деятельные сношения при помощи ямской гоньбы. Три подводы от Самары до Яицкого городка оценены были по одному случаю в 3 руб 7½ коп. Яицким казакам указом Сената 1732 г. велено было покупать казенное вино в кружечных дворах в Самаре или Сызрани, «где им способнее». Впрочем с 1749 г. Яицкому войску, за известный окладной сбор, предоставлено было свободно покупать у заводчиков вино и продавать его в казачьих селениях. Для столичных жителей Самара подчас служила местом ссылки. Так отмечается обширный дом кн. Белосельского и упоминается, что князь был сослан в гор. Самару «по некоторым несчастным его случаям».

В 1780 г. Самара, числившаяся с 1764 г., по уничтожении в ней всеводской канцелярии, в Сызранском уезде, преобразована была в самостоятельный уездный город Симбирской губернии. 13 января 1781 г. в ней были открыты все учреждения: Уездный Суд, Дворянская опека, Уездное Казначейство, Нижний Земский Суд, Городническое Правление, Городовой Магистрат и Сиротский Суд. Духовенство подчинено было архиепископу Казанскому. В 1783 г. в Самаре числилось 634 обывательских дома, 9 лавок, 889 жителей мужского пола, в том числе купцов (обоего пола) 84. По 5-й ревизии в 1795 г. в Самаре было уже 3807 душ. Было две каменные церкви—Казанская (построена при церкви Николая Чудотворца в 1744 г., причем обе церкви составили один храм) и Преображенская (построена в 1785 г.), и две деревянные—Вознесенская и Успенская, обе потом погоревшие в 1807 г. Торговых площадей было две—Верхний и Нижний рынок, на коих производились торги только по воскресеньям привозимым из окрестных селений крестья-

нами разным хлебом и всякими жизненными припасами; на Нижнем в одно только летнее время, на Верхнем— весь год. Любопытно, что с 1784 г. в пределах теперешних Симбирской и Самарской губерний стала развиваться книжная торговля, стараниями друзей известного Н. И. Новикова, в числе которых находились Ив. и Петр Тургеневы, помещики Самарского уезда. В Самаре уже в 1793 г. у бакалейного торговца Пономарева продавались книги. Но вслед за гонением на Новикова книжная торговля в Самаре «затруднилась надзором местной цензуры, светской и духовной, представителям которых, благочинному и городничему, приходилось давать взятки за разрешение продажи всякой поступившей в лавку книги»... Жители Самары занимались скотоводством и всажением на дачах, им принадлежащих, арбузов, дынь, перцу, луку и огурцов; некоторые занимаются хлебопашеством, рыбной ловлей и извозом; женщины прядут шерсть и вяжут чулки и варежки, частью на продажу. Заводов и фабрик не было, упоминается лишь мыловаренный завод верстах в трех от города, вверх по Волге. Судоходство по Волге поддерживалось от Казани фрегатами, а из верховых городов и разных селений плоскодонными гребными росшивами и косными лодками.

Быт старинного окраинного города, каким в XVIII в. все время была Самара, в общем рисуется нам бледными и скудными чертами. Случайные обстоятельства иногда приподнимают перед нами завесу прошлого, но— к сожалению— эти случаи обыкновенно носят характер курьеза и даже скандала. Был в Самаре при Оренбургской комиссии протопоп и «ректор» Антипа Мартианов, человек видный, входящий к высоко-поставленным лицам. И вот в Синоде получается от него жалоба, что Татищев в Самаре посадил его на цепь, водил в этом виде по улице и, приведши в (воеводскую) канцелярию, держал на цепи до вечера. Доложено было императрице, Татищеву пришлось объясняться. В письме к императрице (Анне Ив.) Татищев сообщал, что протопоп иногда, правда— «не часто», напивался пьян и в пьяном виде дрался, разломал и сжег баню у своего квартирного хозяина, избил запоркой его жену, ударил капрала в щеку, за что казаки «довольно его побили», и т. д. Татищев несколько раз его уговаривал, но напрасно. «По артикулу положено для смирения отсылать к духовному суду, но здесь ника-

кого духовного суда в близости нет»... И вот протопоп попал на цепь, а затем—под наказание (вероятно, телесное) к всеводе... Невольно является вопрос: поступил ли бы Татищев таким образом при набожной Елизавете? А при Анне телесным истязаниям подвергались и архиереи. Потом Антипа являлся к Татищеву с извинением, они помирились, Татищев даже взял себе протопопа в духовники и нередко приглашал к себе на обед. Школы для калмыков и татар, переводы с восточных языков, составление словаря, и—хмельное геройство о. ректора, своевольная с ним расправа властного человека, последовавшее примирение: какая пестрая и характерная картина старинной жизни.

26. Во второй половине XVIII века над нашим краем разразилась страшная буря пугачевского бунта. «Со времен Разина, говорит историк (Фирсов), в течение столет мало что изменилось в общем характере жизни на нижней Волге и ее равнинах. Здесь мы попрежнему находим значительное количество гольтыбы, бежавшей сюда конечно не от хорошей жизни, столько же энергичной, сколько и озлобленной, не позабывшей добывать себе «зипуны» старыми способами Волжских добрых молодцев—разбоем и бурлачеством. Здесь пред нами попрежнему как бы гигантский резервуар, куда, в лице стекавшихся отовсюду беглецов, сливалось народное недовольство ко всей России. В лежащих на восток от Волги местах народное недовольство было наиболее глухо, ибо произвол сильных там был наиболее неудержим. Припомним только такого изверга-помещика, как избраженный Аксаковым Куролесов: «жизнь наказанных людей спасали только тем, что завертывали истерзанное их тело в теплые, только что снятые шкуры баранов, тут же зарезанных»... Степь становилась простором именно для господ, а для всех остальных туземных и пришлых элементов на ней делалось тесно жить... Тесно стало жить яицким казакам, башкирам и другим инородцам, крестьянам, «беглым», «раскольникам». И вот, когда по Самарским уметам пошли слухи о явившемся императоре Петре Федоровиче, пожалевшем свой народ и жалующем его свободою, водою и землею, крестом и бороною,—народное волнение охватило громадное пространство. Для защиты Оренбурга взяты были войска из городов и крепостей Самарской линии, и эти места остались под защитою

одних обывателей, которым велено было вооружиться — кто чем может, даже самодельными копьями и рогатинами. Отряд, составленный из гарнизонов Самарской линии, потерпел решительное поражение от Пугачева, и линия, а с нею и Самара остались совсем беззащитными. Яицкий казак, называвший себя атаманом Араповым, по распоряжению Пугачева занял крепости по Самарской линии и, захватив Ставрополь, отрезал Самару от Казани. Взяв пригород Алексеевск, Арапов послал в Самару требование сдачи города. Самарский комендант капитан Балахонцев и поручик Кутузов, имея в своем распоряжении лишь ничтожные силы, захватили с собою городскую казну и отошли в Сызрань. Оставшиеся в городе 40 регулярных солдат и 300 поселенных согласились с обывателями не сопротивляться и 25 декабря подошедший к Самаре Арапов был встречен с крестами и иконами. Поместившись в доме майора Племянникова, Арапов ласково принимал всех приходивших к нему на поклон. «Батюшке нашему будет очень мило, говорил он, что вы покорились без сопротивления, он конечно не забудет этот город и сделает его губернией».

— «Дай то, Господи, чтобы это так было», отвечали самаряне. Но такое положение продолжалось очень недолго. 28 декабря правительственные войска заняли Рождественно, а на другой день подошли к Самаре. Пугачевцы встретили их огнем двух полевых и шести чугунных орудий, но не выдержали штыкового удара и потеряли всю артиллерию и 200 пленных. Командир правительственного отряда майор Муфель занял город и доносил, что «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки», а «духовенство всемилоост. нашу государыню в поминовении из ектении исключило». 4 января прибыл в Самару новый отряд и началась разборка. Наиболее виновных, и в том числе священников велено было отправить в Казань, «а некоторых, для страху, жестоко на площади наказать плетью при собрании народа». Жителей заново приводили к присяге и отбирали от них подписки. В ночь на 7 января войска выступили из Самары к Алексеевску и там разбили наголову две тысячи пугачевцев. Самара больше не подвергалась нападениям со стороны Пугачева, но губерния долго еще волновалась. Так как в движении принимали деятельное участие башкиры и другие инородцы, то Бугульминский

уезд естественно стал у нас главным местом действий. Бибииков, руководивший подавлением волнения, в Бугульме устроил свою главную штаб-квартиру и здесь впоследствии умер. Отряды Пугачева и шайки, прикрывавшиеся его именем, рассеяны были вдоль всей линии Закамских крепостей. До сих пор в народе хранятся предания о временах пугачевщины, а в городском нашем музее находится любопытная редкость: грубо сделанная от руки пугачевская ассигнация, хранившаяся, как святыня, в ладонке старика-нищего.

Быть может, отчасти в связи с участием в пугачевском движении, Самара к концу XVIII века лишилась большей части своих земельных владений. Еще раньше Самарские казаки переведены были на Оренбургскую линию, а их земли отошли к Красному-Яру, Чадовке и друг. селениям. В 1768 г. графу Григорию Орлову и его четырем братьям пожалована была Самарская Лука «со всеми дворовыми и ясачными крестьянами», большие земли даны были кн. Долгорукому и др., происходили частые самовольные захваты. К концу XVIII века у гор. Самары земли оставалось только 42 тысячи десятин.

II. Самарский край в XIX веке. Самарская губерния.

27. XIX-й век в истории нашего края является временем усиленной колонизации и мероприятий к упорядочению гражданских и экономических условий жизни населения. Большая часть селений Самарской губернии основаны в XIX-м веке. Считают, что за это столетие (до 90-х его годов) в Бугульминском уезде возникло 94 новых селения, в Бугурусланском 269, в Николаевском—272.

Попрежнему правительство стремится заселять свободные казенные земли как русскими крестьянами и другими обывателями из прочих губерний, так и иностранцами. На бывших калмыцких землях в Самарском уезде, после переселения калмыков на Оренбургскую линию, помещены были, между р. р. Соком и Кондурчей, 120 семейств малоимущих дворян «однодворцев». В Бугурусланском и Новоузенском уездах поселяются на ка-

зенных землях николаевские солдаты. В Новоузенском уезде отводятся земли эстонцам (дер. Балтийка), и еще другие эстонцы заняли казенную землю самовольно (Самовольная Эстонка). После польского восстания 1863 г. в трех селениях Новоузенского уезда (Орлов Гай, Таловка, Черная Падина) поселены были поляки, выдворенные из литовских губерний. Сюда же из Саратовской губернии переселились татары в числе около 10 тыс. душ обоого пола (Алтаты, Верхазовка, Сафаровка, Латошинка). Продолжается рост немецких колоний в том же Новоузенском уезде. В 40-х и 50-х годах из Саратовской губернии немцы потянулись сюда целыми тысячами, главным образом на берега рек Нахой, Большого Карамана и Еруслана. По берегам последнего основалось 20 колоний. В 1858—65 г.г. расселяются на калмыцких землях Самарского уезда меннониты и данцигские немцы. Всего за 1800—1864 г.г. в Самарской губернии появляются 74 новых колоний. В Новоузенском уезде в это время колонистам принадлежит 21, 18% всей земли, в Николаевском 11,19%, в Самарском—2,46%, а в среднем по губернии 8,26%.

Продолжаются самовольные переселения, но главную особенность этой эпохи составляет усиленное переселение помещичьих крестьян из других губерний, преимущественно Тамбовской, Курской, Пензенской, Рязанской, Симбирской. Помещики располагают старинными землями служилых людей. Но помимо того, идет усиленная скупка земель, главным образом башкирских. Выше уже говорилось, что покупка башкирских земель, раньше воспрещенная законами, разрешена была в 1736 г., и с этого времени земля стала уходить из рук башкирского народа. Земли казалось так много, что полудикий башкир совсем не знал ей цены: десятину можно было купить за 10—15 коп. и даже целый участок за пуд муки. В 1872—74 г. башкирские земли размежеваны были между отдельными сельскими обществами башкир, исчезло последнее препятствие к отчуждению народной земли и началась усиленная ее распродажа. Размеры этого рода сделок в XIX веке можно видеть из следующих примеров. В Бугульминском уезде только 6 башкирских волостей продали 19 тысяч десят. своей земли; в Бугурусланском уезде с 1840—1853 г.г. разными землевладельцами куплено было у башкир 64½ тыс. десятин. Нередко русские поселенцы

снимали и покупали башкирскую землю без письменных документов; вследствие этого со временем у нас расплодилось множество земельных споров и исков.

В обзор нашей колонизации XIX века нельзя не упомянуть о том ударе, который нанесен был правительственными мерами (20-х—40-х годов) старообрядцам Николаевского уезда. Старообрядческие поселения, явившиеся здесь в силу указа 1762 г., стали группироваться около основанных по Б. Иргизу мужских и женских монастырей или скитов. В 70-х годах XVIII в. организатором этих скитов явился даровитый монах Сергей, справедливо называвший себя «строителем иргизским». Мало по малу Сергей стал одним из вождей беглопоповцев—«перемазанцев», а Иргиз—центром, снабжавшим всех беглопоповцев иереями, которые переходили из православной церкви и на Иргизе получали новое помазание миром («иргизскую исправу»). К началу XIX века иргизские монастыри достигли значительного благосостояния: имели 12½ тысяч десятин земли, несколько церквей с богатыми вкладами, по 100—200 келей и много построек для ризницы, библиотеки, трапезной и т. д. Число монашествующих к 1828 г. доходило до 3000 человек. С этого года началось гонение на иргизские монастыри: Саратовский губернатор взял с монахов подписку в том, что они принимают единоверие, и к 1841 г., частью при помощи военной силы, монастыри, сохранившиеся в числе двух мужских и одного женского, обращены были в единоверческие (в 60, 8 и 5 верст. от г. Николаевска). 60 человек «упорствовавших» или сданы были в солдаты или сосланы в Сибирь; крестьянам старообрядцам пришлось рассеяться частью по Николаевскому, частью по Самарскому (в южной его части) уездам. В старообрядческой литературе сохранилось сказание об этих событиях, выдержанное в тоне древних благочестивых повествований. Верующие стали на колени в несколько колец кругом своего храма, сцепились руками и ногами. Пришло николаевское воинство, началась стрельба холостыми зарядами и в то же время из труб начали качать воду на народ, казаки ударили в палатки, пехота начала действовать прикладами. Гул выстрелов, вопли и стоны избиваемых смешались в одном хаосе...

Способы и порядки переселений были разнообразны, особенно, что касается самовольных переселений и пе-

реселения крестьян, освободившихся от крепостной зависимости. Бывало так, что в поисках работы или по другому случаю человек попадал на новое место, оценивал его преимущества и звал родных и земляков. Возбуждающим образом действовали слухи о баснословных урожаях пшеницы, какие давала действительно почва степей, об арбузах и дынях, которыми объедались новоселы. Иногда на предварительные разведки отправлялись доверенные лица, которые потом и являлись вождями исхода. Память о таких «садчиках» свято хранилась у новоселов и увековечивалась в самых названиях новых поселений: Павло-Антоновка, Три-Михайловка. Но нередко бывало и так, что переселенцы, увлекаемые смутными слухами, шли на удачу и без достаточной хозяйственной подготовки. С административной стороны переселенческое дело также организовано было слабо: нередко бывало, что переселенцам отводились участки неудобные, без воды, по солонцам, а денежная помощь от казны отпускалась не всегда и по своим размерам—скупно. По разным селениям Новоузенского уезда жители рассказывали исследователям в 1888—89 г.г., «пришли без лошадей»,—«почти без всякого рабочего скота», «почва—наполовину солонцы», или: «земли много, да нечем взяться», крепкая земля лежит впусте, «потому что ее нечем пахать». Другие сдают землю в аренду: «придут, сдадут землю и уйдут неизвестно куда», «многие разбежались», «бродят неизвестно где», многие живут в работниках из одного хлеба или за самую низкую плату, большинство работают поденно потому, что рабочих рук слишком много и годовых работников брать не стоит... В Николаевском уезде рассказывали о своем переселении: «вышли из Черниговской губернии перед Троицей, пришли к Успенью, дорогой застала холера, дошли немногие. Казна дала по 30 руб. на семью, по 25 бревен на избу и по 3 коп. в сутки кормовых»... «Шли тысяча душ, дорогой 700 умерло от холеры, пришло только 300; слез было много, стого и землю не делили долго»... Правда, трудности переселения и устройства на новом месте вызывали нередко к действию бодрые и деятельные общественные инстинкты, обнаруживалось трудовое коллективное начало. Развивались и личные свойства, полезные в борьбе за существование. Исследователь говорит, что «вследствие жизни, между киргизами и постоянного с ними общения образовался

особый тип здешнего (Новоуз.) населения: бойкий народ, ловкие наездники они во многом соперничают с киргизами... Но в борьбе слабые уступают и гибнут. Неурожайные годы, нередко выпадающие на долю нашего Самарского юга, толкают жителей на выселение из недавно занятых ими мест. Так за 25 лет с 1865 по 1889 из Новоузенского уезда выселилось слишком две тысячи семейств на Кавказ, в Оренбургскую губернию, в Уральскую область; немцы из числа этих эмигрантов отправлялись, между прочим, в Северную и Южную Америку. Во всяком случае эти и подобные им факты ясно указывали, что времена первоначального хищнического хозяйства для нашего края прошли и первобытные условия жизни уже недостаточны.

Для характеристики правительственной политики в отношении к заселению нашего края в XIX веке можно привести некоторые данные по Новоузенскому уезду, представлявшему собою по пространству наиболее значительный земельный запас. Новоузенский уезд, вместе с Николаевским и Царевским образован был в 1836 г. в составе Саратовской губернии. Городом с именем Новоузенска сделано было с. Чертаклы, основанное еще в 1760 году. Можно думать, что это место на крайнем юго-востоке уезда выбрано было для нового города в целях стратегических, для ограждения от кочевников. В 1837 г. было учреждено Министерство Государственных имуществ с палатами по губерниям, и началось размежевание земельных дач, которые прирезались ко всем существовавшим селениям уезда. Земли отводилось по 15 десятин на мужскую душу по девятой ревизии; все пустопорожные земли регистрировались в казну. Из этих земель производились пожалования значительными площадями различным военным и гражданским чиновникам и отводились наделы вновь переселявшимся крестьянам. Чиновники, получившие земли в далеком и пустынном крае, большею частью продавали пожалованные земли разбогатевшим крестьянам. Так, наряду с мирским землевладением положено было начало частной земельной собственности в уезде. Переселенцам из крестьян отвод казенных земель производится беспрерывно. По закону 1867 г. значительные площади отведены были безземельным крестьянам из детей николаевских солдат. По законам 1881 и 1889 г.г. отводились земли переселенцам из

малоземельных губерний из расчета по 8 десятин на мужскую душу; с 1904 г. землю положено отводить по 7 десятин на душу. Стала и здесь уже чувствоваться земельная теснота.

Успехам мирного культурного развития нашего края попрежнему много мешали разбои, беспокоившие Волгу (по крайней мере до половины XIX века и вызывавшие различные мероприятия со стороны правительства. Еще в половине XVIII века во все губернии отправлены были на воров и разбойников особые «сыщики». В 1797 г. в Казани было построено 9 легких гребных судов для прекращения разъездов разбойничьих партий по Волге. Этот способ борьбы с разбоями разработан был потом в целую систему (1829—1838 г.г.). Главное Управление путей сообщения снарядило до 28 легких сторожевых судов «гардкоутов» (в народе «гартоты») с гардкоутным экипажем в 300 человек. Разделенные по дистанциям, гардкоуты должны были оберегать судоходство от разбоев, но скоро сами стали в тягость промысловому населению и торговым людям своим лихоимством, докучными придирами и всякими притеснениями. Бывали случаи, что экипаж входил в сделки с разбойниками и выговаривал от них только неприкосновенность казенных судов. Но и тут случались недоразумения: «вы бы хоть казенного то не трогали», упрекают власти, «а черт вас там разберет, отвечают молодцы, которые казенные, которые нет: ставьте знаки». И стали ставить на мачтах маленький красный флаг, а на носу судна государственный герб. Вследствие злоупотребления, гардкоутные команды были уничтожены. Разбои продолжались; последний крупный разбой был в 1847 г. В Жигулевских горах ограблено было 9 судов.

28. В 1851 г. образована была Самарская губерния из уездов: Бузулукского, Бугурусланского и Бугульминского Оренбургской губернии; Николаевского и Новоузенского, Саратовской губернии; Ставропольского, Самарского и части Сызранского, Симбирской губернии. Самара сделалась губернским городом. Общее пространство губернии исчислялось в 13.975.000 десятин, с населением в 1.304.231 душ обоего пола. До 1865 г. Самарская губерния находилась в подчинении Оренбургскому генерал-губернатору.

Известный исследователь Самарской истории (Ш. В. Алабин) дает довольно полную картину гор. Самары времен учреждения губернии. В 1853 году в Самаре считалось 316 каменных зданий и 2290 деревянных. Хороших зданий, вообще говоря, не было, а окраины города носили чисто деревенский характер, с домиками, нередко крытыми соломой, в два окна, третье-волоковое; со множеством обыкновенных плетней вместо заборов. Прямые и широкие улицы были до того песчаны, что по ним трудно было ходить, кое-где деревянные мостки заменяли троттуары. Среди города, там, где теперь Александровский сад, существовала огромная земляная насыпь (остаток старинного укрепления), крайне затруднявшая проезд, выезд из города по московскому почтовому тракту, который шел к перевозу через Волгу, между теперешним Струковским садом и женским монастырем, по длинному скату крутой горы, был почти невозможен весной и осенью. С места, где ныне Троицкая площадь, называвшаяся тогда Сенною, раскидывалась степь. Где теперь Крестовоздвиженская часовня (на Троицкой площади), там начинался овраг, прорезывавший всю площадь по направлению к юго-востоку до берега р. Самарки. Площадь, на которой ныне Воскресенская церковь, и все пространство от нее до Волги и ниже, до места, занимаемого Женским монастырем включительно, были покрыты лесом, называемым «дубравой» и служившим для загородных летних прогулок. В конце 30-х годов сюда, к Струковскому саду приплыл однажды громадный медведь и на целые сутки наделал переполоха среди жителей.

Общественных зданий в городе не было, все учреждения и жилища на квартирах. Так, напр. вновь открытые в 1851 г. Уголовная и Гражданская Палаты помещались в доме М. И. Назарова. Три комнаты, занятые Уголовной Палатой, оказались так малы и тесны, что в присутственной камере негде было поставить секретарю стола со стулом для протоколиста и пописки для доклада дел. В двух последних комнатах Уголовной Палаты, «по низости и удушью», как говорится в современном акте, «не могла быть пристойно и удобно размещена вся мебель, потребная для писмоводства и содержания дел; притом не было приемной для просителей высшего и низшего классов», где бы могли находиться требуемые иногда

арестанты с военною стражею, не было помещения для архивов.

В городе (в 1861 г.) был Вознесенский собор, шесть церквей (в том числе—Казанской Божией Матери, бывшая собором до учреждения губернии) и часовня. Из учебных заведений было одно уездное училище. Лучшею улицею была Преображенская, на Казанской были магазины и жили помещики, отчего улица называлась Дворянскою; позднейшая Дворянская, ныне Советская, называлась Казачьей, так как на ней жили преимущественно казаки. Торговля колонияльными, красными и разными крестьянскими товарами сосредоточивалась, помимо Казанской улицы, и на Алексеевской, ныне Красной площади, которая вся была затромождена деревянными лавками (Гостинный двор), лавченками и ларями. «Нижний» или «Бурлацкий» базар, находился на берегу Волги, а на Набережной стояли деревянные лавки. Главная торговля Самары велась преимущественно хлебом, салом, кожами и др. сырьем. В 1850 г. с Самарской пристани было вывезено: пшеницы 559200 четвертей, льняного семени 5000 четвертей, сала 21220 бочек (по 25 пуд.). За р. Самаркою находилось 7 салотопенных заводов, а в конце города стояло до 40 ветряных мельниц. Кроме того в городе было 8 кожевенных заводов, 1 маслобойный, 1 горшечный, 1 чугунолитейный, 1 канатный и 19 кирпичных.

По генеральному межеванию 1798 года за г. Самарою числилось земли удобной и неудобной 46284 десят., из нее в беспорном владении городских жителей и казаков 31533 дес.. Но последовали в разной форме захваты городского достояния. Еще недавно старики в Самаре рассказывали, как на окраинах города бесплатно разбирали под постройки землю, сколько кто успевал загородить. Начались споры и иски, и судебными решениями 1819, 20, 29 г.г. за многими лицами были признаны права на захваченные ими участки. Решения эти рассматривались Сенатом и он (1828, 1833 г.г.) распределил всю массу числившейся в Самарской городской даче земли, назначив собственно под выпой г. Самары 8079 дес.. В натуре земли оказалось меньше, и в 1866 г. городу прирезано было недостающее количество земли. Но город неудовольствовался отведенною ему пропорциею и начались многолетние хлопоты до самого последнего времени.

Внутреннего благоустройства город не имел ника-

кого: по ночам улицы не освещались, легковых извозчиков и гостиниц не было, полиция и пожарная часть находились в жалком состоянии, театра не существовало, библиотеки или книжной лавки также не имелось. Общественная жизнь была в полном застое. Все удовольствия городских жителей ограничивались зимою — монотонным катаньем по городу или по р. Самарке, в несколько рядов, с песнями днем и ночью; летом — поездки в окрестности с самоваром; в оба же сезона безразлично — неизбежную игрою в карты. В 40-х годах в Самаре разыгралась история, показательная в отношении тогдашнего уровня развития масс городского населения. Об маслянице явился в Самаре какой-то Алексей и начал проповедывать кончину мира. Он убеждал покинуть дома, роздать имущество бедным и удалиться из города в «пустыню», где в молитве, покаянии и посте ждать гласа трубы архангельской. На первой неделе великого поста целые семейства направились в Коптев Враг (верстах в 20 вверх по Волге) и там, изготовив для себя гробы и надев саваны, стали ждать светопреставления. Весь великий пост прошел в этом ожидании. Нарыли себе землянок, поставили железные печи, население Коптева росло все больше и больше. Наконец из Самары послали брандтмейстера с пожарными и гарнизонными солдатами и на первой неделе Пасхи всех живых мертвецов в саванах пригнали в Самару, где и роздали их на руки обществам или родственникам.

29. Первыми Самарскими губернаторами были: Ст. Гр. Волховской, К. К. Грот, Ад. Ад. Арцимович, Н. А. Замятин, Н. П. Мансуров, Гр. С. Аксаков, Ф. Д. Климов. Сравнительно дольше, около восьми лет, продолжалось правление Грота, в общем же наши губернаторы сменялись часто. Между тем организация управления новых губерний требовала особых трудов и усилий. В Самару начали стекаться дела из губерний Сибирской, Оренбургской, Саратовской и Уфимской. Губернское Правление получало по несколько сот дел и бумаг в день, не говоря уже об огромной массе архивных дел, которых целыми возами привозили из разных губерний и горами сваливали в амбары. Палата Государственных Имуществ получила из Саратовской и Оренбургской палат перешенных дел 7000 и таких же бумаг 2000 номеров... Между тем штаты чиновников набраны были или из прежних

чиновников уездных учреждений, или из отставных чиновников и друг. выходцев из внутренних губерний, контингент далеко не обещавший успешного хода дел. Скудное содержание дореформенного чиновничества, разного рода соблазны в виду множества беглых, бродяг, раскольников, изощрившихся в способах умиловствования «начальства» — все это делало положение еще более трудным. Ревизия земской полиции, произведенная первым губернатором — Волховским, обнаружила печальное состояние уездной администрации. Чиновники полетели с мест, другие ютданы были под суд или получили строгие выговоры; но одними этими мерами зла, очевидно, нельзя было исправить. Требовались иные свежие силы. При губернаторе Грот привлечено было на службу в Самарскую губернию много молодых людей с высшим образованием, которыми Грот, сам человек высоко образованный и энергичный умел руководить.

При Арцимовиче и Замятине прошло в общем без осложнений освобождение крепостных крестьян по закону 19 февраля 1861 года.

К концу 1858 года по всем губерниям основаны были комитеты по крестьянскому делу; в составе Самарского комитета, в качестве члена от правительства, заседал известный в то время деятель Ю. Ф. Самарин. Главным вопросом, подлежавшим обсуждению комитетов, был вопрос об условиях наделения крестьян землею и о размерах крестьянского надела. Защитники освобождения, отстаивая необходимость наделения крестьян землею, утверждали и право крестьян на землю. Ю. Ф. Самарин держался той мысли, что «существующий (при господстве крепостного права) надел не есть случайность, а факт исторический, имеющий огромное значение в жизни русского крестьянства; не следует допускать ни наибольшего, ни наименьшего размера надела (на этом стояли другие и это вошло в закон) и вообще никакой отрезки земли у крестьян». В проекте меньшинства Самарского комитета, выработанном при участии Самарина, значилось, что крестьяне наделяются из земель помещиков числом десятин, которое могло бы вполне обеспечить их существование. Проект делил губернию на 6 полос с нормальными для каждой полосы наделами в следующих размерах: в 1-й полосе — 8 десятин на тягло, во 2-й — 12, в 3-й — 13, в 4-й — 15, в 5-й — 17, в 6-й — 22 десят. Большин-

ство не сочувствовало этому прозекту, но все же Самарину удалось убедить комитет—дешево оценить (для выкупа) крестьянские усадьбы и проэктировать достаточный земельный надел. В окончательной форме, законом 1861 года «высшие и указанные размеры крестьянского надела» по Самарской губернии определены следующим образом:

а) второй (черноземной) полосы: Ставропольский уезд (за исключением с. Новый Буян с деревнями)—4 десятины. Самарский, Бугульминский, Бугурусланский, части—северная Бузулукского и северо-западная Николаевского (имения, прилегающие к р.р. Волге и Чагре), а также Ставропольского уезда с. Новый Буян с деревнями—5 дес. Южная часть Бузулукского и часть Николаевского имения, лежащие между р.р. Чагрой и Большим Иргизом, кроме отнесенных к северо-западной части—6 дес.

б) третьей (степной) полосы: части Николаевского, по левую сторону р. Б. Иргиза и Новоузенского, между Волгою и линиею, образуемою соединением р.р. Большого Кушума и Малого Узенья—8 дес.. Часть Новоузенского, между означенною линиею с западной стороны и р.р. Семенихою и Камышевиhoю с восточной—10 дес. Остальные части Новоузенского уезда на восток от р.р. Семенихи и Камышевиhi и в южных пределах уезда—12 дес.

Известно, что крестьянам, по соглашению с помещиками, предоставлено было довольствоваться $\frac{1}{3}$ частью «указанного» надела, или даже, если пожелают, получать без всякого выкупа («дарственные» наделы) $\frac{1}{4}$ часть указного надела.

Характерно, что около $\frac{1}{3}$ помещичьих крестьян удовлетворены были четвертным земельным наделом.

Огромный по пространству край, с разнообразными естественными условиями, с пестрым, разноплеменным населением, с воспоминаниями о первобытном просторе и старинных льготах после крестьянской эмансипации—видимо—должен был начать новую жизнь и требовал все новых и новых работников. Может быть, в виду этого в Самаре открыто было в 1865 году первое в России губернское земство.

Согласно правилам о проведении в действие земских учреждений, в июне 1864 г. был открыт для этой

цели временный губернский комитет, а затем и временные уездные комиссии. Комиссии энергично принялись за дело, составили и опубликовали списки избирателей и уже в декабре выборы гласных были произведены по всей губернии. Обнаружен был значительный интерес к реформе, но все же летописец «Самарских Губернских ведомостей» с горечью констатирует, что в общей массе даже дворянского общества реформа не вызвала необходимой инициативы и оживления, и первые выборы дали далеко не такой большой % участников, а в отдельных группах показывают значительный абсентеизм, хотя «гораздо ранее назначения съездов по Самарской губернии было по всей России и за границей известно о том, что с началом нынешнего года должны были открыться у нас земские учреждения». В общем явилось на выборы: дворян 17% общего их числа, горожан—24%, духовных—38%, крестьян—78%. Таким образом наименьший абсентеизм проявили крестьяне и их избранники составили большинство в Николаевском, Новоузенском, Бугурусланском и Бузулукском уездах; крестьян было избрано более половины (54,6%) общего числа гласных по губернии.

7 февраля открылись уездные земские собрания, а 28 февраля, в зале дворянского собрания, при огромном стечении публики губернатор Мансуров открывал губернское земское собрание. «По приведению в действие Положения о земских учреждениях, говорил губернатор в своей речи, Самарская губерния, как и во многих, впрочем, других делах, опередила прочие губернии. Вам выпал славный жребий начать великое дело, все взоры обращены на Самару... Я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское земское собрание в империи». В заключение этого первого заседания гласный А. А. Шишков просил выслушать его заявление, не терпящее отлагательства, имея в виду «бедственное положение, в которое поставлена Самарская губерния постигшим ее в минувшем году неурожаем хлебов и трав». Гласный с своей стороны «полагал бы полезным ходатайство по телеграфу об отпуске денег на продовольствие, а равно и на обсеменение полей будущей весной». Таким образом великая народная нужда постучалась в первый же день в двери первого русского земства. Помимо того, много вопросов было затронуто собранием о народном

образовании, о народном здравии, земском банке, сберегательных для крестьянского населения кассах, об общественном призрении, ветеринарии, о натуральных повинностях и обложении... Очередное губернское земское собрание, начавшееся 28 декабря того же 1865 года, проходило под председательством известного Ю. Ф. Самарина и заявило себя важностью поставленных на обсуждение вопросов и серьезным, деловым к ним отношением.

Работали и уездные земства. Особенное внимание обращает на себя проект крест. Зори, представленный Новоузенскою Управою первому очередному собранию 1865 года. Чтобы дать населению возможность на будущее время прогрессивно развиваться, земству, по этому проекту, предстояло «устранить те препятствия, которые обуславливают неподвижное и потому ненормальное состояние общества... Сумма богатства населения сосредоточивается в руках небольшого меньшинства людей, капиталистов, и это меньшинство наживается за счет благосостояния огромного количества — трудового, но небогатого материальными средствами и умственными знаниями населения». Проект предполагал выкуп из казны в неограниченную собственность земства казенных оброчных земель. В этих целях земство предполагало выпустить акций на полмиллиона руб., будучи уверено, что в обеспечение этих акций, как «кровного дела», население принесет свой трудовой капитал. Сначала в Петербурге отнеслись к проекту со вниманием и велено было «войти с Новоузенским земским представительством в предварительное по сему предмету соглашение», но потом губернатор представил министру все дело «положительно неосуществимым предприятием» и последовало распоряжение — «предположению о продаже Новоузенскому земству казенных земель сего уезда не давать дальнейшего хода и начатые с земством относительно условий таковой продажи переговоры прекратить». Так не удалось это своеобразное и обещавшее уезду крупные последствия земское предприятие.

В общем начальные годы деятельности Самарского земства не встретили себе одобрения в центральном правительстве. В Петербурге находили, что благодушный Аксаков, старавшийся сам руководствоваться законом и требовавший того же от своих подчиненных, — слишком либерален и не обнаруживает надлежащей твердости в

управлении. На его место назначен был Климов, бывший сподвижник известного виленского Муравьева. Начались строгости, власть столкнулась с земством. Земство лишилось выдающегося общественного деятеля, председателя губернской земской управы А. Н. Хардина: согласно представлению губернатора он был уволен по высочайшему повелению за недостаток субординации. Стало намечаться стремление правительственной власти к ограничению и искажению земской реформы.

В 1870 году в Самаре введено было новое городское самоуправление, согласно изданного в этом году Положения. 1 августа опубликован был список лиц, имеющих право избрать городских гласных. Избирателей оказалось 3116, в том числе по первому разряду (сообразно вносимым ими платежам) 88 чел., по второму—342, по третьему—2686 человек. На выборы явилось из первого разряда 42 избирателя, из второго—104 (менее $\frac{1}{3}$), из третьего—всего 120, иначе $\frac{1}{22}$ всего числа избирателей этого разряда. Каждый из разрядов избирал одинаковое число гласных, т. е. 24; из всего числа 72-х гласных выбрано было 57 купцов, дворян и чиновников 9, мещан 4, 1 священник и 1 казак. Первым городским головою избран был В. Е. Буреев.

П. В. Алабин, сам бывший в составе гласных первой Самарской Думы по Положению 1870 года, дает такую характеристику работы избранной Думою Городской Управы. «Членам управы и лицам в ней служащим, предстояла работа усидчивая, кропотливая, усиленная, требовавшая и знания и глубокой преданности делу. Между тем в действительности оказалось, что канцелярия Управы, по необходимости, составила часть из дельцов прежнего бакала, из лиц, служивших в старой Думе, при прежних порядках, не брезговавших ловлею рыбы в мутной воде, а члены Управы состояли или из людей совершенно неопытных в служебной практике, или из лиц, предпочитавших свои служебные отношения к товарищам основывать скорее на взаимном доверии, чем придавать этим отношениям хотя некоторую формальность, хотя бы только в видах ограждения общественных интересов». В результате в Управе оказалась растрата общественных сумм в количестве более 11 тыс. рублей, почти весь состав управы был сменен и произведено было обновление канцелярии (1873 г.). Это событие произвело

в Думе и в городе крайне тяжелое впечатление и до известной степени затруднило первые шаги новоучрежденного самоуправления.

25 апреля 1869 года в Самаре последовало открытие судебно-мировых учреждений, а 25 ноября 1870 г. открыт был Окружный Суд, в том же здании на Алексеевской площади, в котором он находился до последнего времени.

30. Так строилась в нашем крае новая жизнь и к устроению ее привлекались общественные силы. Работы предстояло слишком много. «Мы становимся хозяевами своего добра, писал в своей записке один земский гласный (Б. П. Обухов); но вступаем в наши владения с таким же чувством, с каким богатый наследник входит в свое запущенное наследие. Все кругом его ветхо, все требует обновления, нужен ремонт, новые распорядители, новые верные описи унаследованному имуществу». Один—два примера из нашего дореформенного быта могут послужить иллюстрацией к этим словам: «Войдите в какое угодно сельское училище, писал в 1864 году инспектор народных училищ Люцернов, описывая школы Новоузенского уезда,—и взгляните, какое в них образование ума и сердца. Вам представится большая, холодная и сырая деревенская изба с двумя маленькими окнами; свет слабо проникает внутрь, воздух спирается тут, производит головокружение и отупение. Вдоль мокрых позеленевших стен расставлены длинные и широкие лавки для сидения учащихся. В переднем углу за такими лавками сидят ученики первого сорта, «заветные», т. е. читающие Новый Завет на славянском языке. За ними в ряд «псалтырные», далее «часословные» и наконец—«азбучные». С утра и до позднего вечера затверживание уроков начинается и продолжается всеобщим криком мальчишек, раздрающим уши вошедшего... А учитель важно прохаживается посреди залы, громко покрикивает на своих питомцев... Высоко, в самом углу, близ иконы висит на гвоздике трехкопеечная ременная плетка. Иные мальчишки украдкой из подкижки взглядывают на нее, как мыши из норы на кота, и невольно пробегает по телу их дрожь»... Еще хуже обстояло дело с медициной. По приблизительному подсчету один врач приходился на 800 тысяч жителей. Относительно больниц читаем у Алабина: «ничтожное содержание больничных врачей, скудность отпускаемых на содержание больниц средств,

чисто канцелярское отношение к делу начальствующих над больницами лиц, существование всевозможных злоупотреблений в хозяйстве этих заведений,—все это вместе взятое делало из больницы учреждение, которое могло быть терпимо только при апатии тогдашнего общества и при установившемся воззрении его на казенные учреждения вообще. Что же касается до тех, кого судьба влекла в стены этого здания, то в большинстве случаев они смотрели на необходимость идти в больницу, как на божеское наказание». «В прежнее время, дополняет эту характеристику один из врачей,—когда провожали когонибудь в больницу, то оплакивали, причитали над ним как над умершим: из больницы здоровыми не выходят»... Чуть не все приходилось строить заново, а быстро текущая жизнь ставила одну за другою новые, трудные и сложные задачи. Выше было показано, что уже с XVII века природа страны изменяется, нередко к худшему, под влиянием деятельности человека. Чем дальше, тем заметнее становятся эти перемены. Тучная почва наших степей первоначально давала баснословные урожаи. Начали сажать только пшеницу, преимущественно высоких сортов; на серые хлеба не обращалось внимания. По странной на первый взгляд русской пословице, «нужда научила (Самарского поселенца) калачи есть», черный хлеб есть разучились: «от него голова болит»... На юге губернии культивировались наиболее ценные виды пшеницы—белотурка и кубанка. Но ст непрерывного выпашивания почва стала беднее и сильно измельчилась, утратив в значительной степени способность противостоять неблагоприятным атмосферным влияниям. Явилась необходимость изменить способы обработки: пахать глубже и по несколько раз, посев производить рядами. Возник вопрос об удобрении и в связи с этим—о замене кизячного топлива другим (начались поиски по губернии угля и нефти), об усилении скотоводства. Исчезли леса, в старые времена не только покрывавшие северную часть губернии, но и в изобилии тянувшиеся по степным рекам и Волжским ерикам Николаевского и Новоузенского уездов. Обмелели и частью пропали ручьи и речки; образовавшиеся от неправильной распашки овраги понизили уровень грунтовых вод. Климат стал меняться к худшему: истребление лесов, лишение громадных площадей травяного покрова сделали его непостоянным; пошли

летние суховеи и засухи. Поля начали страдать от сорных трав, а травы эти—давать приют разным видам саранчи; на Юге опасным врагом земледельца явился суслик. Понемногу пшеница начинает спускаться с севера к югу, а на ее место идет рожь. «Прежде ржаной хлеб кислым считался, теперь сладким стал», говорят по деревням. Вырождаются гречиха и просо: гречиха постепенно отступает к северу, просо отходит на юг. В северных частях губернии постепенно исчезают бахчи. Стали сеять подсолнечник и чечевицу, но в этом—очевидно—нет сельскохозяйственного прогресса.

Грозовым ударом, который по пословице должен был заставить Самарского жителя перекреститься, явился печальный памяти голод 1873 г. Еще в 1869 г. в некоторых местах губернии, главным образом—в Бузулукском уезде и смежных с ним частях Николаевского, Самарского и Бугурусланского уездов, вследствие засухи урожай был крайне плох. С весны 1872 года стало видно, что и на этот год не будет урожая, и не только хлеба, но и трав. Правда, кое где выпали дожди, и губернатору Аксакову стало казаться, что «самое страшное бедствие, грозившее сельскому населению—бескормица уже устранилась»... Экстренное губернское земское собрание в июле 1872 г. посмотрело на положение иначе и сочло необходимым просить у правительства ссуду в 900 тысяч рублей на продовольствие населения и отсрочки платежей до 1874 г. Очередное собрание поддержало и усилило это ходатайство. Но губернатор Климов не поддерживал ходатайства и правительство, согласно его представлениям, сначала разрешило употребить на продовольствие нуждающихся только 100 тыс. руб. из наличного продовольственного капитала земства, а затем—из общего по империи продовольственного капитала 600 тысяч рублей, отклонив отсрочку платежей, лежавших на крестьянах. В 1873 году губернию поразил полный неурожай. Все уездные земские собрания, кроме Ставропольского, заявили не только о непреложности факта полного неурожая хлебов, но и об открывшихся уже крайних затруднениях в продовольствии населения. Число нуждающихся в помощи исчислялось в 730 тысяч человек, нужда открылась уже с сентября; по самым сокращенным спискам нуждающихся оказывалось, что на продовольствие их до мая 1874 г. необходимо хлеба в

зерне до 844 тысяч пуд. и на обсеменение полей—до 664 тыс. пуд. Губернское земское собрание ходатайствовало поэтому о ссуде до 3-х миллионов, о приостановке взыскания недоимок, о рассрочке платежей, об освобождении голодающих местностей от рекрутского набора, о бесплатной выдаче крестьянам голодающих местностей паспортов, о скорейшей постройке Оренбургской железной дороги. Велено было из Петербурга приостановить взыскание недоимок и платежей до урожая 1874 года и разрешено бесплатно выдавать паспорта, но деньгами выдано было лишь миллион с небольшим. Между тем крайняя нужда и настоящий голод обнаружили в Бузулукском уезде. Л. Н. Толстой в периодической печати забил в набат, полились пожертвования. Правительство разрешило подписку в пользу голодающих и дозволило отчислять на этот предмет суммы земствам, городам и обществу Красного Креста. По приблизительному подсчету цифра пожертвований на голодающих превысила 3½ миллиона рублей. Город (Самара) устроил для голодающих ночлежный приют и даровые обеды, которых отпущено было почти 217 тысяч. Продовольственная кампания 1873—1874 г.г. стоила казне (в круглых цифрах) 2 миллиона руб. В 1891—1892 г.г. новый неурожай потребовал 14½ миллионов.

На этот раз деятельность губернской земской управы оказалась далеко не на высоте. Командированный правительством чиновник доносил, что работа земских учреждений по выяснению действительных нужд населения недостаточна, так как ограничивалась канцелярской проверкой представляемых списков и перепиской с волостями, без всякого контроля на местах. В отношении заготовки хлеба допущены были серьезные ошибки, причем губернская управа, несмотря на требование администрации, не принимала мер к устранению упущений. Часть заготовленной муки (так наз. «5 сорта») оказалась вредной для здоровья... Продовольственные операции переданы были всецело в руки администрации, а вскоре потом враги земства добились того, что у него отнято было продовольственное дело по всей России (1900 г.) и наш голодный год 1911—1912 обошелся бюрократической продовольственной организации уже в 30 миллионов.

Самарский голод 1873 года должен был на многое

открыть глаза всем общественным деятелям и в частности Самарским земцам.

Сама жизнь выясняла программу работы. Сельскохозяйственный кризис ставил на очередь вопрос о реорганизации всего народного хозяйства губернии, о введении улучшенных способов земледелия, о борьбе с засухами путем орошения, об истреблении вредных животных, распространении отборных семян и т. д. Далее идут вопросы о медиоративном кредите, вообще о дешевом кредите для населения, о развитии промыслов, заводов и фабрик, о паровых путях сообщения.

С самого начала существования земства ясно стало, что освобожденный от крепостного рабства народ настоятельно нуждается в образовании и вопросы народного образования заняли в земской программе почетное место. Наряду с образованием стоит народное здравие, организация земской медицины, которую отметили даже в западной Европе. Уравнительная раскладка повинностей, дорожное дело и др. статьи благоустройства, земская почта и т. д.—таковы разнообразные отрасли земской деятельности, отвечающие существенным задачам, выдвигаемым жизнью. Необходимо систематическое изучение края, и в этом отношении нашим земством сделано много: томы земских исследований представляют собою обширный и ценный материал для познания условий нашей жизни в целях планомерной работы в будущем. Смена различных направлений в земской работе, уклон этой работы в сторону тех или других классовых интересов, участие в деле различных (и иногда—разнородных) общественных элементов—все это предмет не общего исторического очерка, а специально—истории Самарского земства.

31. Но не лишним представляется отметить, хотя бы в самых общих чертах, участие нашего земства и вообще самарских общественных деятелей в политическом движении эпохи.

Известно, что с самого начала реформ 60-х годов в нашем обществе и преимущественно в кругах дворянства большим сочувствием пользовалась мысль о необходимости «увенчания здания реформ» введением в России конституционного строя. Конституционные планы разрабатывались в двух направлениях, которые могут быть названы дворянско-олигархическим и либерально-демо-

кратическим. В том или другом духе императорской власти представлялись заявления (преимущественно в форме «адресов») со стороны дворянских собраний (тверского, московского), а по открытии земства—со стороны губернских земских собраний. Самарское земство обращалось с подобным адресом в 1878 году в ответ на речь Александра II в Москве, заключавшую в себе призыв к обществу—помочь правительству в его борьбе с революционным движением. К сожалению, текст этого адреса каким то образом затерялся. В 1881 году Самарское земство, как и многие другие, сочло нужным отозваться на событие 1 марта. Экстренному собранию 5 марта предложено было составить адрес с выражением соболезнования по поводу совершившегося события и с поздравлением по случаю восшествия на престол. Начались оживленные прения, гласные стали высказываться против посылки адреса. «Слов нет, достойных выразить все, что у нас на душе, говорил один из гласных. Мы не знаем, что нас ждет, к чему пустая формальность?.. Лучше молчать». Другой гласный заявил, что он считает себя ответственным за те адреса, под которыми он прежде подписывался: «разве мы говорили чтонибудь о тяжести налогов, лежащих на крестьянах, о подавлении труда капиталом, об отсутствии гарантий личной неприкосновенности?.. Нет. Ну, в таком случае лучше ничего не говорить, а просто молчать». Собрание большинством всех против трех отклонило предложение об адресе. 8 марта тот же в общем вопрос обсуждался в дворянском собрании. Говорили о том, что трудную задачу борьбы с революционным движением могут разрешить только свободно избранные представители всех сословий, а не одного дворянства, которых и необходимо созвать для этой цели (крики: правда! правда!) «Я уже стар, говорил дальше член собрания, и на склоне дней моих. Я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозрит и не скажет, что я революционер. Но ради блага отечества, ради счастья детей наших говорю вам, что смута, вот уже два года терзающая русскую землю, может быть устранена только общими усилиями свободно избранных представителей народа. Только они, а не исключительно дворянство, могут обсудить и принять меры, которые бы дали мир и спокойствие нашей несчастной родине» (крики: верно! правда, правда!). Другим ораторам это пред-

ставительное собрание рисовалось в виде старинного земского собора... Известно, как на эти более чем умеренные заявления правительство Александра III ответило политикой последовательной и неуклонной реакции.

32. Одновременно с конституционными попытками, в глубоком подполье народных масс росло другое движение, сначала также выражавшееся в умеренных формах, а с течением времени все решительнее принимавшее революционный характер. Говоря словами одного из наиболее видных революционных деятелей того времени (И. Н. Мышкина), «возникновение социально-революционной партии относится к началу 60-х годов. Оно совершилось как отголосок на народные страдания и народные волнения, при участии известной фракции русской интеллигенции, благодаря, главным образом, двум причинам: во 1-х, влиянию на интеллигенцию передовой западно-европейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли — образования Международного Общества рабочих; во 2-х, благодаря уничтожению крепостного права, потому что после крестьянской реформы в среде неподатных классов образовалась целая фракция, испытывавшая на самой себе всю силу гнета государственного экономического строя, готовая откликнуться на зов народа и послужившая ядром социально-революционной партии: фракция эта — умственный пролетариат. Кроме того, крестьянская реформа оказала еще следующие три услуги социально-революционной партии: во 1-х, с 19 февраля 1861 г. начинает развиваться капиталистическое производство с его неизбежным спутником — борьбою между капиталом и трудом; во 2-х, крестьянская реформа, в числе других, послужила доказательством давно известной истины: полной несостоятельности политических реформ в деле коренного улучшения народного быта... В 3-х, крестьянство стало лицом к лицу с представителями губернской власти и увидело, что ему нечего надеяться на эту власть, нечего ждать от нее». Основною задачею движения было «установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они разились в крупном и мелком движении народном и повсеместно присущи народному сознанию, — соста-

влияет вместе с тем справедливейшую форму общественной организации. Строй этой земля, состоящая из союза независимых производительных общин». Так рисовался в глазах самих деятелей внутренний смысл «хождения в народ» 70-х годов. По столицам и другим городам основывались кружки интеллигенции, в состав которых втягивались рабочие и крестьяне, происходили беседы, чтения, велось изучение подходящих книг (затем члены кружков расходились по деревням и под прикрытием разных профессий—доктора, фельдшера, народного учителя, волостного писаря или просто рабочего, вели пропаганду и устно и посредством чтения и раздачи соответственных изданий. Так судебные власти называют кружки Долгушина, Натансона, Чайковского. Образовался в Петербурге и кружок самарцев. Зародышем его был кружок самообразования, сложившийся в среде воспитанников самарской гимназии в 1872 г. с целью пополнить пробелы гимназического образования путем чтения и рассуждения о прочитанном. В составе кружка оказался один крестьянин; мало по малу центром внимания овладели вопросы социально-политического характера. Некоторые из членов кружка (Городецкий) поехали учиться в Петербург и здесь собрали около себя значительную группу сочувствующих. После предварительного обмена мыслей, в 1874 г. основан был в Петербурге Самарский кружок, который в своем направлении подчинился влиянию сочинений Бакунина и приобрел анархический характер. Кружок имел близкие сношения с другими подобными организациями, работа обсуждалась сообща.

Весною 1874 г. «самарцы» двинулись в народ и главным образом в Самарскую губернию. Вообще, по наблюдениям властей, «главные силы революционной партии сосредоточились в восточной полосе России, в Приволжских губерниях, в силу выработавшегося у большинства пропагандистов, на основании примеров Стеньки Разина и Пугачева, убеждения, что революционные идеи найдут наиболее благоприятную для себя почву на востоке, в Приволжских губерниях, представлявшихся революционерам классической страной бунтов и возмущений». Большую роль в движении играл г. Саратов, где особенно энергично действовал Порф. И. Войнаральский, оказавший затем сильное влияние на ход пропаганды и в нашей губернии.

С отъездом в Петербург Городецкого Самарский кружок «саморазвития» не только не прекратил своих занятий, но и заметно пополнился членами, причем состав его стал разнообразнее. Вопрос: «что делать» стоял на первом плане и не сразу выяснился в сознании членов кружка. То останавливались на мысли о необходимости «нравственной выработки» путем чтения и составления рефератов, то ближайшею целью ставилась «строгая научная подготовка», между прочим посредством занятий анатомией. Но по мере ознакомления с сочинениями Бакунина, присланными из Петербурга, кружок стал решительно принимать революционное направление. Весною приехали товарищи из Петербурга, привезли с собою другие книги («Стенька Разин», «Дедушка Егор», «История франц. крестьянина» и др.), деятельность кружка оживилась, начались сходы, обсуждался план работы. Девиз общества был: «свобода, равенство и братство», а целью ставилось — ниспровержение путем революции существующего порядка. С наступлением лета члены кружка отправились по губернии. Как успели дознаться власти, одна линия пропаганды шла через Царевщину, Семейкино и т. д. на Ставрополь и Сергиевские минеральные воды; другая — на Смышляевку, Черновку и Грачевку; третья на Вязовку и Екатериновку; захвачены были также Малые Толкаи с одной стороны и Дубовый Умет — с другой.

Между тем П. И. Войнаральский, открывши в Саратове центральный пункт работы в виде башмачной мастерской, приехал с товарищем в Самару с целью установить подобный же центр и в городе и в губернии. Прошли Самарский, Бузулукский и Бугурусланский уезды, но пока ограничились только тем, что заарендовали в Бобровке постоянный двор в качестве приюта для агитаторов. В самой Самаре Войнаральский завел некоторые знакомства и когда во второй раз приехал в Самару, мог уже организовать здесь кружок, учредить постоянную агентуру и «место остановки и укрывательства» на одном из постоянных дворов на Волге, близ ярмарки. К новому кружку примкнули и некоторые члены первого Самарского кружка. «Тут есть еще много годного для дела элемента, писал Войнаральский товарищам — фельдшера, мещане, мастеровые и пришлые из Симбирской губернии плотники (на постройке земской больницы). С по-

следними было несколько чтений. Они просят книг для отсылки по домам, просят сходить туда, дают письма, указывают лучших людей и места; в книгах недостаток»... Члены кружка Войнаральского действовали потом в Бузулукском и Ставропольском уездах.

Сам Войнаральский отправился в Ставрополь, а оттуда в с. Васильевку, к знакомому народному учителю. Васильевские крестьяне испугались речей Войнаральского и сказали про него сельскому старосте; к дому учителя приставлен был караул, но на утро караульные, видя, что их не сменяют, разошлись и пропагандисты могли скрыться. Однако через три дня после этого Войнаральский был задержан в Самаре, а к осени 1874 г. захвачено было и большинство деятелей, ушедших в народ. Начался знаменитый процесс 193-х.

Войнаральский приговорен был к ссылке в отдаленнейшие места Сибири, Городецкому, в виду его несовершеннолетия, в наказание вменено было предварительное заключение.

Другим центром революционной деятельности в нашей губернии считался г. Николаевск, где местный врач А. А. Кадьян давал у себя приют и оказывал разные услуги лицам, имевшим в виду работать в уезде в качестве учительниц, фельдшерниц, волостных писарей; в числе их оказался между прочим один из деятельных членов «киевской коммуны», занявший в Николаевском уезде должность участкового фельдшера, и его приятель, имевший в виду купить в уезде землю и заняться сельским хозяйством. Кружок был обнаружен по доносу одного арестанта местного замка и видимо не успел развить своей деятельности. Материал для обвинения был такой скудный, что Кадьян был Сенатом оправдан.

В конце 70-х годов в Самарской губернии работал в качестве волостного писаря А. И. Иванчин-Писарев, сначала в Богдановской волости Бузулукского уезда, потом в с. Страхове. Некоторое время у Иванчина-Писарева жила под видом его сестры Евг. Ник. Фигнер, Ю. Богданович неподалеку занимал должность помощника писаря, А. К. Соловьев имел кузницу в Гвардейцах. Вера Ник. Фигнер оказывала населению медицинскую помощь в с. Студенцах.

В своих «воспоминаниях» Иванчин-Писарев живо рисует пеструю картину нашей деревенской жизни, со сме-

шанным населением, с оригинальными фигурами местных административных лиц и помещиков, с особенностями волостных порядков и нравов. «В итоге наших изысканий с Ю. Богдановичем, пишет Иванчин-Писарев, получилось такое впечатление, что в Страховской волости не только нечего делать вдвоем, но даже одному едва-ли удастся в ближайшее время применить программу «Земли и Воли». Случай поторопил решение этого вопроса: стало известно, что на почте перехвачено компрометирующее письмо; компания спешно собралась в Самару, а отсюда, из предосторожности, на лошадях добралась до второй от города станции железной дороги. Дальнейшая деятельность Иванчина-Писарева протекала уже в Саратовской губернии.

Наконец в 80-х годах, соответствующим изменившемуся настроению общества и новым течениям в практической общественной работе, мы видим в нашем крае попытки организации интеллигентных земледельческих колоний. На восточном краю Самарского уезда образовалось обширное хозяйство К. М. Сибирякова, затеянное с очень широкими, хотя в значительной мере и неопределенными планами культурного строительства. Здесь временами проживали известные писатели-народники Глеб. Ив. Успенский, Ник. Ник. Златовратский, И. Н. Харламов; оригиналы некоторых персонажей Успенского до последнего времени здравствовали по окрестным селениям. В имении Сибирякова, по отдельным его хуторам, и были основаны земледельческие колонии из пришедших со стороны интеллигентов, с участием отдельных представителей местного крестьянства. Одни, (между прочим студенты) приезжали только на время особенно спешных летних работ, другие жили круглый год полным хозяйством, сближались с местным населением, заводили с ним кровные связи. Дело в общем оказалось неудачным, частью по причинам, коренившимся в личных качествах членов колоний, частью по недостатку денежных средств, частию может быть — вследствие неясности и разнородного понимания идеи, положенной в основу дела. Как бы то ни было, колонии быстро распались.

33. Жизнь городов нашего края и в особенности Самары за вторую половину XIX века представляет собою картину быстрого роста с внешней и внутренней

стороны в зависимости от новых общественно-экономических условий: раскрепощения народного труда, развития обрабатывающей промышленности и торговли, усиления капиталистического хозяйства, пролетаризации части крестьянства. Могущественным толчком к развитию городской жизни Самары («по американски», как любили говорить самарцы) послужило построение Сибирской магистрали (в 1892 г. открыто было движение до Челябинска) и Ташкентской жел. дороги. Самара, бывшая до сих пор только центром своего района и главной пристанью для вывоза степной пшеницы, в несколько лет получила значение крупного транзитного пункта, уступив по частям свое влияние на хлебный рынок другим пристаням, как напр. Балаково. Выше уже говорилось о том, каким захолустьем являлся наш город при начале губерний. Черты этого характера частью сохранились в жизни и до последнего времени, частью живы в памяти Самарских старожилов. До наших дней можно было наблюдать по улицам Самары свадебные процессии с яркими лентами на людях и лошадях и разудалыми песнями. Первое воскресенье после Троицы (заговенье) является народным праздником и носит загадочное название «похорон чехони». Старожилы рассказывают, как бывало по зимам шли жестокие кулачные бои, на которых партиями выступали «дубровные» (жители района, где некогда была дуброва — от новгородского собора до Воскресенской площади), «сокольничьи» с Сокольничьей (впоследствии Шихобаловской, ныне Крестьянской улицы) и «горчишники», сеявшие горчицу за Молоканским садом. При этом горчишники являлись самыми свирепыми бойцами. Сохранилось предание, что как то весною, во время разлива, по Волге двинулись необыкновенные скопища волжской селедки, по-самарски «чехони». Вдруг вода спала и громадные скопления рыбы обмелели, стали разлагаться и угрожать болезнью. Власти призвали население Самары к трудовой повинности — зарывать в землю («хоронить») гниющую рыбу, и вместо платы за работу распорядились выкатить народу несколько бочек вина. Началось веселое гуляйще, многие утостились на славу, и случилось это как раз в заговенье после Троицы. Праздник понравился и остался в обычаях жителей... Рассказывая о прежних временах, любят вспоминать былое приволье Самарской жизни: необычно-

венную дешевизну хлеба, рыбы, мяса, в особенности, баранины, и обилие арбузов, дынь и разных фруктов.

Черты перемен, какие переживала Самара в недавнем прошлом, до известной степени можно наблюдать, приглядываясь к физиономии городских улиц. Вообще говоря, наш город очень беден в отношении исторической архитектуры: нельзя указать ни одной церкви, интересной в этом смысле; нет и выдающихся гражданских сооружений. Несколько более приметных зданий (собор, костел, банки) относятся к самому последнему времени и исторического значения пока не имеют. Но все же, пройдя внимательно ряды домов по Казанской и частью по Вознесенской улицам, мы почувствуем отзвуки старины 20-х, 40-х годов. Нам припомнятся улицы Казани, Нижнего Новгорода, тихие уголки Москвы. Те же треугольные фронтоны, венчающие фасад; широкие пилястры, разнообразящие монотонность стен; пояски между этажами; или классические капители, веночки и головки над окнами и по простенкам; или грузные колонны и темножелтая старинная окраска (дома №№ 35, 46 по Вознесенской улице, №№ 8, 27, 41, 62, бывш. Дворянское собрание по Казанской ул.). В тех или других подробностях это русский провинциальный стиль «Империи» (ампир), так полюбившийся нашим строителям в Александровскую и Николаевскую эпоху и оставшийся по преданию на последующее время. Некоторые дома (Шелашниковых, потом Сурошниковых; Волжско-Камского банка, потом Субботина), весьма типичные в этом отношении, переделаны лишь в последнее время. И это последнее время заявляет о себе ярко в постройках стиля «модерн» (одним из лучших образцов в этом роде можно назвать д. Курлиной на углу Саратовской и Алексеевской, ныне Красноармейской ул.) или в попытках новой обработки старинных архитектурных мотивов (д. Наумова, Дворянский банк, Волжско-Камский банк). Вся Советская, бывш. Дворянская ул., так отличная по своей физиономии от Казанской, представляет собою победу новых вкусов над остатками старой архитектурной моды.

Новые вкусы, понятия и требования во многом сказались благоприятно на внешности Самары. Появились рационально-построенные здания учебных заведений (Коммерческое училище, 2-я женская гимназия), правда не обработанные со стороны внешнего убранства, вслед-

ствие, обычного в этих случаях недостатка, средств. С особым вниманием стали относиться к городским садам. В конце 80-х годов, заботами, главным образом, бывшего тогда городским головой П. В. Алабина, засажена была обширная площадь кругом нового собора. Нынешние жители Самары, гуляющие по Соборным скверам с их тенистыми деревьями и обширными цветниками, не могут и вообразить себе вид площади в прежнее время, когда она представляла собою песчаную пустыню, изрытую глубокими ямами, застроенную по местам убогими хибарками и обитаемую стаями полудиких собак. Кстати сказать, такую же неприглядную картину песчаных буераков и полного запустения представляли собою площадь театра (построен в 1887 году) и места, занятые ныне зданиями Коммерческого училища (1905 г.) и 2-й женской гимназии (1906 г.). В 80-х годах, по инициативе тогдашнего полицеймейстера, сделан был в широких размерах опыт обсадки Самарских улиц деревьями: выплана была большая партия посадочного материала из Хвалынска и в короткое время улицы города приняли новый вид. К сожалению, доброе начинание не было доведено до конца: от недостаточного ухода (между прочим — по недостатку воды) деревья погибли и уцелели лишь кое-где одинокими группами. В 1886 г. закончен был постройкою городской водопровод американской противопожарной системы, блестяще показавший свои достоинства во время бывших в этом году пожаров. В 1898 г. открылось движение по городской конножелезной дороге. Постепенно расширялась площадь мостовых и первоначальные мостовые из известкового камня начали сменяться булыжными и кое-где асфальтовыми; асфальтом начали повсюду выстилать троттуары. При производстве общественных работ в голодный 1892 год вдоль берега Волги сооружена была каменная набережная, к сожалению не по всему протяжению города.

На некоторых улицах Самары до сих пор можно еще следить за ростом и изменением внешнего вида города соответственно новым требованиям жизни. Так по ул. Льва Толстого (ранее Москательной) можно в длинной перспективе домов видеть, как постепенно прежние деревянные или полукаменные одноэтажные постройки с подслеповатыми окнами подвальных этажей и скромными мезонинами и антресолями вытесняются трехэтаж-

ными домами однообразно-казарменного вида (так наз. «доходными») с торговыми помещениями в первом этаже при широких окнах для выставок, зеркальных стеклах и т. д. К сожалению, и в Самаре, как в других быстро разросшихся русских городах, этот рост шел в значительной мере стихийно, без продуманного и рассчитанного на будущее плана. Народное остроумие недаром окрестило одну из недавно заселенных городских окраин именем «Нахаловки». Быстро заселились кругом Самары так назыв. «поселки» — Мещанский, Монастырский, Новый Оренбург, Кавказ, Новый Афон, с чрезмерно-малыми усадьбными местами, не дающими возможности посадить хотя бы пару деревьев, без заранее отведенных площадей общественного пользования для школ и парков, без элементарных условий городского благоустройства. Кавказ и Афон могут быть демонстрированы в качестве наглядных и убедительных примеров того, как не следует строиться и жить человеку.

В культурной жизни Самары в качестве губернского города обращает на себя внимание одна особенность в сравнении с другими однородными городами. Здесь не было руководящего общественного класса или слоя, который так или иначе давал бы общий тон культурному развитию и сообщал ему определенную физиономию. Дворянство (влиятельное в Симбирске и отчасти в Казани) в Самарском крае всегда было слабо и мало влиятельно. Купечество (значительное в Нижнем Новгороде и Астрахани), в общем лишь недавно отслоившееся от крестьянства и мещанства и создававшее свою силу на эксплуатации естественных богатств края, не выработало себе традиций и, при крупных размерах своих капиталов, все же не заложило основ для общественного влияния. Интеллигенция, малочисленная и разрозненная, не имела объединяющего центра (как в Казани), хотя бы в виде высшего учебного заведения. Таким образом, культурная жизнь Самары развивалась «без истории и без преданий», как бы сохраняя черты старинного степного приволья и повадок вольного, гулящего человека. Приходится искать наглядного внешнего признака, по которому можно было бы характеризовать культурные ресурсы нашего города и в этом смысле возможно остановиться на истории Самарской периодической печати и Самарской школы.

Старейшим периодическим изданием в Самаре были «Самарские Губернские Ведомости», начавшие выходить с 5-го января 1852 года ежедневно, тетрадками, в 4-ю долю листа; затем газета стала выходить два и три раза в неделю. Содержание «неофициальной части» Ведомостей всегда было скудное, и наш историк довольно сухо замечает, что если официальная газета «и имела влияние на умственное развитие общества, то слишком условное и крайне относительное» (Алабин). Первым редактором Ведомостей был Сов. Губ. Правления А. Ф. Леопольдов, которому принадлежит ряд заметок в самих Ведомостях и много статей по этнографии и статистике Поволжья в журнале М-ва Внутренних Дел.

С 1-го января 1867 года стали выходить в свет «Самарские Епархиальные Ведомости», как «орган мыслей и дел собственно местной церкви». Срок издания установлен был двухнедельный. За время своего существования Ведомости дали обширный материал по местной церковной жизни (напр., статьи по расколу редактора издания прот. Д. Н. Орлова, Д. Н. Дубакина, И. Т. Никифоровского), а также и по вопросам общего характера (напр. «Очерк славянской мифологии» проф. П. В. Знаменского).

«Самарский Справочный Листок» выходил ежедневно в 1867—1888 годах по узкой программе, разрешавшей лишь перепечатки «из некоторых газет» и фельетоны, и то под строгим наблюдением цензуры. Листок постепенно захирел и куплен был под конец издателем «Самарской Газеты» с целью устранения возможной конкуренции.

«Самарский Листок», переименованный из «Справочного Листка района Сызр.-Морш. железной дороги» (1875—80), выходил ежедневно в 1881—82 г.г. исключительно, как газета объявлений, и был потом переименован в «Самарский Вестник».

«Самарская Газета» за подписью И. Д. Новикова (антрепренера Самарского городского театра) стала выходить ежедневно с 1884 года. С 1894 года газету купил С. И. Костерин и она приобрела большую известность: здесь сотрудничали: Максим Горький, А. Б. Клафтон, Е. Н. Чириков, и другие, начинавшие свою карьеру писатели. Читатели спорили о том, кому из них принадлежит будущее и удивлялись плодовитости

фельетониста в стихах, подписывавшегося псевдонимом: Иегудиил Хламида. Этого «Хламиду», в потертой крылатке, показывали друг другу на улице и в театре, не подозревая ожидавшей его славы. В революционное время 1904—1905 г.г. «Газета» приобрела яркую окраску и погибла одновременно с революцией.

«Самарский Вестник» первоначально, как и «Листок», наполнялся лишь объявлениями, но с 1892 года получил разрешение на полную программу провинциальных газет того времени. Под редакцией Н. К. Реутовского, «Вестник» постепенно сделался содержательным органом печати и современем приобрел большую известность не только в своем районе, но и по всей России, как орган русского марксизма. Из сотрудников газеты за этот период ее существования можно назвать безвременно умершего талантливое писателя Р. Э. Циммермана (Гвоздева).

В текущем столетии в Самаре выходили: «Самарский Курьер», «Волжское Слово», «Волжский Край», переименованный потом в «Волжский День», «Городской Вестник» и целый ряд газет революционного времени, история которого выходит из пределов нашей работы. Из других периодических изданий можно упомянуть «Известия Самарского Общества Народных Университетов», «Самарский Земледелец», и «Земский Агроном».

Школьное дело в нашем крае и в частности в Самаре, при открытии губернии находилось в плачевном состоянии: во всех городах было только 4-е народных училища и два приготовительных класса; частных учебных заведений не было и детей приходилось возить для ученья в Симбирск или в Казань, или довольствоваться мудростью дьячков и неудавшихся семинаристов. Первым по времени появилось в Самаре (с 1825 г.) уездное училище с широкою программю старых уставов, в которую помимо обычных общеобразовательных предметов входили и «начальные правила технологии, имеющей отношение к местному положению и промышленности» и «обязанности человека и гражданина» и т. д. С 1835 г. училище получило новый сокращенный план учения, а с 1879 г. преобразовано было в городское училище, впоследствии — высшее начальное училище (против Вознесенского собора).

Проследим в хронологическом порядке дальнейший

рост школьного дела в Самаре, начиная с средних учебных заведений и близких к ним по курсу.

1852 г. открыто Духовное училище в составе трех классов с двухгодичным курсом в каждом классе. С 1867 г. преобразовано в четырехклассное с четырьмя годами обучения. В собственном здании, на углу Соборной и Хлебной улиц.

1856 г. Губернская (с 1864 г. классическая) гимназия, сначала в д. Растрепина (впоследствии Коренева), потом в д. Воцакина на Саратовской ул. и с 1889 г. в собственном здании на углу Троицкой и Александровской ул. В 1861 — 67 гг. при гимназии существовали таксаторские классы.

1858 г. Духовная Семинария первоначально в д. Ломбина на Саратовской ул. (впоследствии Епархиальное женское училище), затем в д. Лаптева против Вознесенского собора и с 1872 г. в собственном здании. При семинарии существовала воскресная школа, а затем учреждена была образцовая школа для педагогической практики семинаристов старших классов.

1859 г. Женское училище 1-го разряда, с 1870 г. преобразованное в женскую гимназию (на углу Казанской и Успенской ул.).

1864 г. Училище для девиц духовного звания, преобразованное в 1875 г. в шестиклассное епархиальное женское училище. С 1869 г. училище приобрело собственный дом на Саратовской ул. (бывш. Ломбина).

1867 г. Земская фельдшерская школа, первоначально мужская, а с 1873 г. смешанная. Помещается при Губернской больнице.

1871 г. Учительская семинария и при ней одноклассная школа для педагогической практики воспитанников. Закрыта в 1884 году. Помещалась в д. Винник, на углу Предтеченской и Дворянской (ныне Советской) улиц.

1872 г. Земская школа для образования сельских учительниц, сначала в наемном помещении, затем в собственном здании, на углу Николаевской и Алексеевской (ныне Красноармейской) ул., дала народной школе длинный ряд тщательно подготовленных учительниц, в большинстве из крестьянок. Закрыта в 1911 г. и на месте ее учрежден Педагогический Институт, преобразованный потом (1918) в Университет.

1879 г. Техническое железнодорожное училище для подготовки молодых людей к разнообразной технической службе на железной дороге, в собственном здании около вокзала. С 1917 г. преобразовано в средне-техническое училище.

1880 г. Реальное училище имени Александра Благословенного, в собственном здании, впоследствии расширенном и роскошно отделанном заботами Е. И. и А. А. Субботиных (уг. Казанской и Успенской ул.).

1898 г. Вторая женская гимназия, первоначально открытая в виде прогимназии, в наемной квартире, в д. Юрина (уг. Троицкой и Симбирской), впоследствии получившая собственное здание на Соборной ул., рядом с Коммерческим училищем.

1902 г. Коммерческое училище, помещавшееся первоначально в доме Волжско-Камского банка (впоследствии Субботина), на Казанской ул., затем в собственном здании, на углу Соборной и Симбирской.

Частные школы стали открываться в Самаре в 50-х годах XIX в., первую из них, более устойчивую, был пансион Н. Фланден (1858 г.), а более известную — пансион С. А. Шкот (1867 г.), впоследствии фон-Древиц. Кроме этих двух пансионов упоминаются еще пансионы и школы: Визенталь (1854 г.), Ю. Загоровской (1860 г.), А. В. Буреевой (1860 г.), Сель (1865 г.), Сивре (1867 г.), Муравьевых (1869 г.), Романовской (1871 г.), Серпина (1873 г.), Е. Долговой (детский сад 1875 г.) и так далее.

В качестве частных учебных заведений открыты были: женская гимназия (3-я) А. С. Хованской (угол Николаевской и Заводской ул., свой дом), женская гимназия (4-я) Харитоновой (впоследствии 2-я городская, уг. Самарской и Почтовой, д. Нуичева), женская гимназия (5-я) Н. А. Хардиной (Советская, д. Поплавского), женская гимназия Арсеньевой (впоследствии — городская, имени Ушинского, уг. Николаевской и Панской д. Юрина), реальное училище (2-е) на углу Саратовской и Заводской ул.

Революционное время ознаменовалось открытием новых частных школ и курсов для взрослых; в 1917 г. начал свою работу Городской Народный Университет.

Школы начального типа открывались в такой последовательности: 1836 г. — 1-е мужское приходское учи-

лице, 1852 г.—2-е мужское приходское училище, 1858 г. 1-е женское приходское училище, 1859 г.—2-е женское приходское училище, в 1871 г. преобразованное в двух-классное, 1865 г.—3-е мужское приходское училище, 1867 г.—4-е и 5-е мужские приходские училища, 1868 года—основанное Е. К. Рихтер, с 1870 г. городское приходское училище, 4-е женское, 1870 г.—3-е женское приходское училище, 1873 г.—Александровское ремесленное училище.

В начале XX века в Самаре считалось 50 начальных училищ с 5881 учащимися. Кроме того было три городских училища с 936 учащимися. За последнее время получили усиленное развитие высшие начальные училища *).

34. Состояние школьного дела по губернии за то же время выражается в следующих цифрах. Начальных училищ было 1166 с 114.194 учащимися. Школ высшего типа 7 с 837 учащимися. Кроме того имелось 25 частных учебных заведений 1-го, 2-го и 3-го разрядов с числом учащихся до 1500 человек. В этот счет не вошли средние учебные заведения, существующие по уездным городам. В 1905 году в губернии, исключая население городов, состояло круглым счетом 3 миллиона (3.036.100) жителей. Принимая число учащихся круглым счетом за 115 тысяч, получим 3,83% в отношении к общему числу населения. Согласно переписи 1897 года по Самарской губернии, посещают начальные школы от 4 до 5% населения, и в этом отношении наша губерния занимает одинаковое место с Саратовской, Рязанской, Тверской, Ярославской.

Приведенные данные до некоторой степени характеризуют те образовательные средства, с какими нашему краю приходится приступить к строительству

*) С приведенными цифрами интересно сопоставить данные о состоянии школьного дела в Самаре в 1918/19 году (по сведениям Гор. Отд. Нар. Образ.):

начальных школ	113,	при 550 учит.	с 13103 учащимися,
высших начальн.	19	"	185 " с 8960 "
средних уч. завед.	20	"	390 " с 3310 "
профессиональных	12	"	80 " с 890 "

Таким образом, армия учащихся доведена до 1203 лиц, число учащихся до 26.290 человек. Кроме того, имеется 6 детских садов, в которых воспитывается до 500 детей дошкольного возраста.

жизни на новых основаниях, указываемых великими событиями времени. Работа предстоит большая, но начало ей уже положено. Новые взгляды и понятия, новые приемы труда неудержимо проникают в толщу населения. Старинный сабан, ручной сев отходят в область преданий; молодежи уже смешно становится видеть, как люди, приверженные к старине, пытаются обходиться без усовершенствованных орудий. Засухи и неурожаи зовут к борьбе с неблагоприятными условиями климата. «Начинают сберегать снег на пашне, чтобы, ставшая, он налитывал вспаханную землю, начинают вводить рядовые посевы с обработкою междурядий и таким образом экономить накопленную в почве влагу, вводят паровую обработку опять-таки с целью сбережения влаги. Для обеспечения скота кормом вводятся посевы многолетних кормовых трав, особенно мирящихся с засухой» (в Новоузенском уезде, по ст. Колесникова) и т. д. Соотношение производительных сил нашего края указывает на дальнейшее направление этой культурной работы. Безошибочный язык цифр прежде всего дает основание утверждать, что «сельское хозяйство всецело и исключительно предопределяет собою характер и содержание всей жизни губернии». Правда, из общего количества удобной земли (почти 12,5 миллионов десятин) под посевом бывает только 33% (4,3 миллиона десятин) и это свидетельствует о технически-культурной отсталости нашего края. С другой стороны о той же отсталости хозяйства в связи с неблагоприятными климатическими условиями говорит и крайняя неустойчивость урожаев, причем губерния то страдает недостатком хлеба в размерах 57 милл. пудов (1911 г.), то производит его с избытком, исчисляемым свыше 100—110 миллионов пудов (1915, 1913 г.г.). Такая же неустойчивость наблюдается и в отношении количества скота, численность которого резко понижается в годы неурожаев, и в низкой урожайности сенокосов.

«Все в этой области, замечает исследователь (Баскин), слабо и некультурно, но вместе с тем все огромно и значительно. Несмотря на общую некультурность и несомненную хозяйственную отсталость, чрезвычайные возможности открываются в будущем, если умело и рационально привести в движение дремлющие силы местного народного хозяйства». Наш край во всяком

случае является странкою по преимуществу добывающей промышленности и потому в отношении товарообмена странкою вывоза, решительно преобладающего над ввозом. При этом более $\frac{2}{3}$ всей массы вывозимых товаров приходится на хлеб и значительная часть на продукты животноводства, так что в общем продукты сельского хозяйства составляют 77,1% от величины общего вывоза за пределы губернии. Из остающегося количества вывозимых товаров значительная часть в виде сырья поставляется тоже сельским хозяйством. Обрабатывающая промышленность губернии также стоит в зависимости от сельско-хозяйственного промысла, сосредоточиваясь, главным образом, на переработке сырья, доставляемого местным сельским хозяйством (мука, спирт, сало). Эти обстоятельства в связи с характером социальных отношений и определяют собою существенные задачи дальнейшей работы на пути нашего культурного развития. Условия землепользования должны бесповоротно измениться ко благу населения в результате перемен, внесенных революцией; в этом следует видеть могущественное орудие предстоящего сельско-хозяйственного прогресса. Дальше на очереди стоит задача усовершенствования приемов земледелия в смысле его интенсификации путем введения в правильный севооборот посевов трав, корне и клубне-плодов и различных трудоемких культур (в роде табаководства). В том же направлении должно идти развитие молочного скотоводства и связанного с ним маслоделия. В области обрабатывающей промышленности внимание должно быть обращено на те ее отрасли, которые еще недостаточно развиты в крае, в частности в отношении обработки волокнистых веществ и животных продуктов. Статистика убедительно доказывает, что «процесс интенсификации и реорганизации земледелия и скотоводства совершался и совершается в местном крестьянском хозяйстве, но совершается стихийно». Таким образом, облегчается сознательная и планомерная работа в том же направлении, т.е. по истинному пути, который указывается действительным соотношением производительных сил нашего края. Работа эта требует координации всех наличных культурных сил страны и соответственного направления в деятельности общественных организаций и просветительных учреждений. И одною

из существенных задач в этом отношении является все-
стороннее изучение края с его естественно-исторически-
ми и общественно-экономическими условиями и воз-
можно широкое распространение этих знаний в массе
населения.

Наше изложение останавливается на пороге вели-
ких событий XX века. Оценить в полной мере весь
необычайный размах совершившегося и совершающе-
гося на наших глазах дано будет, быть может, лишь
нашим потомкам. Но и мы, взглядыаясь в манящие
дали будущего, твердо верим, что пред нами открыва-
ется свободный простор для могучего развития всена-
родного труда и благосостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ.

При составлении очерка главными пособиями послужили следующие издания.

1. *Алабин П.*, Двадцатилетие Самары, как губернского города, Самара, 1877 г.

2. » » Трехвековая годовщина города Самары, Самара, 1877 г.

3. *Велицын А. А.* Немцы в России, СПб., 1893 г.

4. *Витевский В. Н.*, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. 5 выпусков, Казань, 1890—1897 г.

5. *Елишин А. Г.*, Самарская хронология, вып. 1, Самара, 1918 г.

6. *Клаус А.*, Наши колонии, СПб. 1869 г.

7. *Колесников Г. Н.*, Новоузенский уезд в его прошлом и настоящем. Вестник Новоузенск. Земства, 1912, янв.—февр., март—апрель.

8. *Минх А. Н.*, Историко-географический словарь Саратовской губернии, т. 1-й, Саратов, 1898 г.

9. *Перетяткович Г.*, Поволжье в XVII и в начале XVIII века. Одесса, 1882 г.

10. *Садосников Д. Н.*, Сказки и предания Самарского края, СПб. 1884 г.

11. Самарское Земство, юбилейный доклад-очерк. Самара, 1914 г.

12. *Семенов В. П.* (редакт.), Россия, т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье, СПб. 1901.

13. Сборник статистических сведений по Самарской губернии под редакцией И. М. Красноперова, изд. Губ. Земства, т. I, 2-е изд. Самара, 1912, т.т. 2—7, Самара, 1884—1890.

14. Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1890.

15. Чекалин Ф. Ф., Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века, Саратов, 1892.

Другие пособия указаны в примечаниях к §§.

К § 2.

Ближайшие к Самаре обследованные дюнные стоянки находятся между станциями Ташкентской ж. дор. Марычевка и Борское. Обследованы братьями *Миллерами* *Вас. А.* и *Г. А.*, из которых первый некоторое время проживал в Самаре. Знаком с дюнами и автор настоящего очерка. Часть добытого материала хранится в Городском музее.

Курганные древности Городского музея описаны *П. В. Алабиным* в брошюре: «Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее», Самара, 1895. Здесь проводится сравнение наших древностей с Киевскими, Сибирскими и Анапийского могильника.

Барбашинский могильник, после случайных находок, первоначально обследован *Вас. А. Миллером*, а в последнее время Комитетом Городского Музея, причем добытые древности оказались обильны и разнообразны. Некоторые подробности о Самарских древностях (южной части губернии) можно найти в Трудах Саратовской Ученой Архивной Комиссии (напр., вып. 26, Саратов, 1910).

К § 5.

О чудских могилах говорится во многих местах у *Рычкова*, в топографии Оренбургской губернии. Нужно впрочем иметь в виду, что в народном словоупотреблении имя «Чуди» часто применяется ко всему древнему и непонятному, подобно тому, как в немецком народе древние могилы все слывут «туннскими».

К § 6.

«Ардобазарные» дороги описаны у *Минха* (№ 9), 38—39 стр. У него же (49 стр.) о развалинах Сарая.

К § 7.

Подробности о калмыках, равно как и о башкирах (§ 5) даются в монографии *Витевского* (№ 4) состоя-

тельное изложение на основании обширного печатного материала.

К § 8 и след.

История колонизации Поволжья в XVII и в начале XVIII века обследована проф. *Перетятковичем* (№ 10) на основании архивного материала. Исследование, составляющее в настоящее время библиографическую редкость, дает массу ценных и любопытных сведений, правда, разбросанных и недостаточно систематизированных. Наше изложение составлено, главным образом, по этому пособию, из которого взято и большинство приводимых цитат из документов. Предание об Алексее митрополите у *Рычкова* в Топографии Оренбургской губернии.

К § 15.

Некоторые подробности о народных движениях в Поволжье данного времени—(напр. о Заруцком) можно найти в *Истории Соловьева*, кн. 2, т. IX-й. Сказание о Стеньке Разине у *Садовникова* (№ 11) занимает 18 стр., записано в с. Новиковке, Ставропольского уезда.

К § 16.

Путешествие Олеария издано было, в переводе П. Барсова, Московским Обществом Ист. и Древн. Российских под заглавием «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием», Москва, 1870. В Городском музее имеются два старинных немецких издания путешествия 1656 и 1696 г.г., с картинками, среди которых есть и вид Самары. С рисунка Олеария сделана масляная картина в археологическом отделе Музея.

В Городском Музее хранится несколько подлинных грамот на землю, данных жителям Самары, равно как и челобитные о земле и документы о жалованьи служилым людям. Приводим образцы для интересующихся памятниками старины.

1. Челобитная о земле (орфография подлинника).

Царю Государю і великому князю алексію михайловичю всеа великия И малыя и бѣлыя росіи Самодержцу бьет челом холоп твой Самарской Конной Стрелец

алешка чепурнов. милосердый Государь Царь і великий князь алексѣй михайлович всеа великия И малыя і белыя росіи Самодержецъ Пожалуй меня сироту Своего вели Государь мне владѣть за Самарою рекою подле Гатнава ерку от Степи Сенным покосом после Самарскова пешева стрелца Івана рогожина авмежах Государь тот Сенной покос подле Івана чюпосова, а по другую старону Сенной покос Савы мелникова. И ныне Государь тот Сенной покос подле Івана юноскова, а по другую Сторону Сенной покос Савы мелникова. И ныне Государь тот Іван рогожин пострижен в Самарскомъ преображенскомъ монастырѣ а после его Івана Сенной покос лежат впусе.

Царь Государь Смилиуйся пожалуй.

На обороте подпись (орфография исправлена).

Подписать владеть ему тем покосом.

178, июля в 14 д. По сей челобитной стольник и воевода Иван Михайлович Алфимов Самарскому конному стрельцу Алешке Чепурнову сенным покосом, что подле Гатнова ерка в межах подле Савинского покосу Мелникова, после стрельца Иваншка Рогожина, по сей челобитной впредь владеть велел. К сей челобитной стольник и воевода Иван Михайлович Алфимов печать свою приложил.

178-й годъ (7178 от сотвор. мира)=1670 от Р. Х.

2. Грамота («данная») на владение землею (орфография исправлена).

Лета 7194-го, марта в 31 день, по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея великие и малые и белые России самодержцев, стольник и воевода Борис Борисович Змеов велел дать данную на сенной покос самарскому конному стрельцу Алешке Чепурнову да сыну его Овдокиму для того, в нынешнем во 194-м году, марта в 31 день, бил челом Великим Государем, Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России Самодержцем, а на Самаре в приказной избе стольнику и воеводе Борису Борисовичу Змеову он, Алешка, подал челобитную, чтобы Великие Государи пожаловали его, Алешку, велели ему дать сенной покос с сыном его Овдокимом за Самарою рекою у Орлова озера подле истоку, кой течет в Орлово озеро, а от того истоку на большую осокорь, ко-

горая осокорь стоит над ериком, да вверх по ерику до бороздины, коя бороздина лежит в ерике, а с тое бороздины на ветлу, а та ветла стоит над Орловым эзером; и по указу Великих Государей и по помете на челобитной, буде тот покос наперед сего никому не отдан, и ему, Алешке с сыном своим Овдокимом тем покосом владеть, и сия данная им дана. К сей данной стольник и воевода Борис Борисович Змеов печать свою приложил.

Печать.

3. Челобитная со справками. (Орфография исправлена). Столбец 1689 г.

Великому Государю, Царю и Великому князю Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России Самодержцу, бьет челом самаренин Алексанка Семионов сын Алампеев. Служу я тебе, Великому Государю, по Самаре по дворовому, а поместный мне оклад 340 четвертей, денег 12 рублей, за вечный мир с польским королем холопу твоему поместного и денежного окладу против старых примеров ничего не учинено, да в прошлом в 206-м году при стольнике и воеводе Колпабакине, по твоему, Великого Государя, указу и по грамоте послан был с Самары степью с самарскими служилыми людьми в орду к калмыцкому Аюкаю тайше, чтоб он, Аюкай, в своих улусех выбрал русский и башкирский полон и выслал в твои, Великого Государя, города, куды подобнее путь надлежит, и шли б его, Аюкаевы, люди через твои, Великого Государя, города без опасения для своего басурманского богомолья и торговали б в городех безопасно ж; и в той, Государь, посылке я, холоп твой, и служивые люди спали лошада.... и многие дни степью шли без хлеба, а за такие, Государь, посылки моей братии—Юде Бронскому, Микифору Перфирьеву и иным учинена придача поместному и денежному окладу. Милосердый и Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России Самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, за мои службишки и за посылки своим, Великого Государя, жалованьем поместным и денежным окладом в придачу против старых примеров написать повелеть и о том дать на Самару к воеводе свою, Великого Государя, грамоту. Великий Государь, смилуйся....

И в приказе Казанского Дворца выписано:

В Самарском наличном списке 206 года... сапо: поместный оклад 350 четв., денег по выбору 12 рублей Александр Семионов сын Аламшеев.

И великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России Самодержцу бьет челом самаренин Александр Семи нов сын Аламшеев. Служил де он ему, Великому Государю, по Самаре по дворовому, а поместный де ему оклад 350 чет., денег 12 руб., а за вечный мир с польским королем в придачу ему поместного и денежного окладу ничего не учинено, да в прошлом де в 206 году посылан он был с Самары степью с самарскими служилыми людьми к калмыцкому Аюкаю тайше, что он, Аюкай, в улусех своих выбрал русский и башкирский полон и выслал в его, Великого Государя, города, куды подобнее путь надлежит, и шли б его, Аюкаевы, улусные люди через его, Государевы, города без опасения для своего бусурманского богомолия и торговали б в городех безопасно. И за тое де посылку ему придачи не учинено ж, и Великий Государь пожаловал бы его, велел за его службы и за посылки своим, Великого Государя, жалованьем, поместным и денежным окладом в придачу против старых примеров, потому бы дать ему на Самару к воеводе свою, Великого Государя, грамоту.

Александрю Аламшееву.

По указу Великого Государя чинят ему Великого Государя жалованья за вечный мир с польским королем в придачу в городе Самаре по дворовому.

120 четв., денег по 10 рублей.

А за калмыцкие посылки чинено придачи:

Во 162 г. уфимцу Овдокиму Лопатину, что он послан (был) в калмыцкие улусы для договора о размене полонеников, к прежнему его окладу 100 ч., денег рубль.

В 170 г. уфимцу Ивану Черникову Онучину за калмыцкую посылку 169-го г., что он посылан с Калмыцким полоном к Данеину (2) Тайше, к прежнему его окладу к 750 четвертя, 150 четв.

В 173 г. казанцам Андрею Кармацкому, Дмитрию Аристову за калмыцкие посылки, что они посылаемы с государевым жалованьем, к прежним их окладам поместного по 100 четв., денег к четвертным по 10 рублей человеку.

В 174 г. придано Государева жалованья казанцу

Ивану Змееву за службу и за калмыцкую посылку 173 года, что он посылан с грамотами и жалованьем, к прежнему его окладу поместного 100 четв., денег к четвертным 13 рублей.

В 181 году казанцу Юрию Приклонскому за калмыцкую посылку, что он посылан к Аюкаю к Соломсереню, чтобы они над воровскими казаки промысл чинили, к прежнему окладу поместного 100 четв., денег 10 рублей.

В 183 году ему ж, Юрию, что он посылан к калмыцким тайшам с грамотами, к прежнему его окладу поместного 100 четв., денег 10 рублей.

А по справке в приказе Казанского дворца с денежным столом письмом, а в письме написано:

В кабацких сборных книгах прошлого 206 года написано: в том же 206 году, по указу Великого Государя посылан был с Самары в калмыцкие улусы Самарини Александр Семионов сын Аланпеев, а для той посылки дано ему, Александру с кружечного двора четыре ведра вина, два фунта табаку 7700 (?) марта в 19 день...

На обороте вверху: К сей челобитной Алексашка Алимпеев руку приложил.

Четверть = $\frac{1}{2}$ десятины.

К §§ 19—21.

Подробности о башкирских бунтах и о переселении калмыков, как уже замечено было выше, заимствованы у *Витевского* (№ 4); у него же взяты отрывки народных песен. К пятому выпуску названной монографии приложен алфавитный указатель, по которому легко найти места, относящиеся к данному предмету.

К § 24.

Общий ход немецкой колонизации у *Велицына* (№ 3). Автор критически относится к колонизационной политике правительства. *Клаус* (№ 6) ведет исследование в другом тоне. Сочинение сообщает ряд документальных и цифровых данных.

К § 25.

Анекдот о ректоре Мартьянове и подробности культурных начинаний в старой Самаре взяты у *Витевского* (№ 4), 156, 193 стр. Ср. *Соловьева*, кн. IV, 1547.

К § 26.

Подробности пугачевского бунта у *Дубровина*. Пугачев и его сообщники. Ср. *Фирсов*, Пугачевщина опыт социолого-психологической характеристики, СПб.

К § 27.

Характеристика колонизации XIX века основана, главным образом, на земских «Красноперовских» сборниках (№ 13); в начале каждого выпуска имеется глава—исторический очерк колонизации уезда. Из того же источника заимствованы разные сведения о состоянии сельского хозяйства. Вообще названные сборники (часть их стала уже библиографическою редкостью) заключают в себе много ценного материала для изучения края. Дополнительные сведения, касающиеся Новоузенского уезда, взяты из статьи *Колесникова* (№ 8), составленной с большой любовью к предмету исследования. О «Гардиутных» командах и их борьбе с разбоями у *Минка* (№ 9), 151—153 стр. О судьбе Иргизских монастырей: *Дубакин Д. Н.*, Ирг. раск., монастыри (первоначально в Сам. Епарх. Вед. 1882—83 г.г.).

К § 28.

По документу 1819 г. и по частичному плану 1849 года, хранящимся в Городском Музее, в Самаре были улицы: Пробойная, «что по бурлацкому базару»; Хлебная, Базарная, Пудковская (все три в районе Симбирской улицы). На плане показана также Торговая площадь. Если предположить, что Симбирская улица осталась доселе с этим именем, то Торговая площадь ныне будет Воскресенская, Хлебная улица—Ярмарочная, Базарная—Самарская и Пудковская—Троицкая. Положение Пробойной улицы не ясно.

К § 29.

Сведения о деятельности Самарского комитета по освобождению крестьян у *Скребницкого*, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, Бонн на Рейне, 1862—1868. Введение земских учреждений в Самаре описано у *Алабина* (№ 1) и в юбилейном докладе (№ 7); там, между прочим, проект гласного Зори.

К § 31.

Политическая роль Самарского земства кратко охарактеризована в брошюре: «Мнения земских собраний о современном положении России», Берлин, 1883. Отсюда взяты отрывки речей Самарских деятелей.

К § 32.

Сведения, приводимые в этом §, взяты из следующих изданий: Процесс 193-х, изд. Саблина; *Стопневич*, Процесс 193-х, СПб. 1906; Историческая библиотека, прилож. к «Бирж. Вед.», вып. 17; Провинциальные кружки 1873—74 г.г.; *Иванчин-Писарев*, Из воспоминаний о «хождении в народ»: журнал «Заветы».

К § 33.

История школьного дела в Самаре у *Алабина* (№ 1 и 2). Там собрано много любопытных подробностей по данному вопросу, которыми неудобно было загромождать Очерк; поэтому взяты лишь основные факты.

К § 34.

Цифровые данные о состоянии школьного дела в губернии заимствованы, главным образом, из Отчета дирекции народн. уч. Самарской губернии (директора Н. Н. Лозанова) за 1908 год. Самара, 1909.

Соображения о состоянии производительных сил Самарского края основаны на многосодержательном, несмотря на свой небольшой объем, докладе Г. И. *Баскина*, «Состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии», Самара, 1919 г. Замечательны приложения к докладу таблицы, характеризующие крестьянское хозяйство губернии на основании применяемого автором «дистанционного признака». Цитаты в кавычках взяты из названной брошюры.

 Поправки и дополнения.

К стран. 7. Положение Сарая обыкновенно приурочивается к г. Цареву, Астраханской губернии: «от с. Верхне-Ахтубинского чрез г. Царев до с. Колобовки

и дер. Зубовки тянутся развадины на протяжении 90 верст, причем от р. Калькуты до г. Царева на расстоянии 7 верст местность сплошь усеяна кирпичем и щебнем». Минх, Истор. Географ. словарь Саратов. губ., т. 1, стр. 49.

Стр. 14, строка 12: напечатано: земли, следует: затем.

Стр. 23, строка 35: напечатано: 1634 г.; следует: 1636 г.

Стр. 24, строка 31: напечатано: Красной площади; следует — площади Революции.

К стр. 25, внизу: челобитная самарян была послана в 1686 г., грамота на землю дана в 1688 г.

К стр. 27. На левом берегу Волги в 1590 г. построен был гор. Саратов, как предполагают — на месте основанной здесь еще в 1571 году «в поле на Волге, под Караманским лесом» сторожевой станицы. Были такие же станицы или сторожевые пункты кое-где и по другим местам, как, например, около сел: Букатовки, Балакова, Дашилова. Но городу на луговом берегу расти было трудно, и уже с 1590 года встречаются упоминания о Саратове на нынешнем его месте, куда к 70-м годам XVII в., окончательно, перенесено было с луговой стороны и первоначальное городище.

Стр. 28, строка 26: напечатано: южной; следует: западной.

Стр. 28, строка 26: Бугульма возникла в 1745 г.

Стр. 28, строка 35: напечатано: 17448; следует 1748.

К стр. 29. Крепость Сергиевск основана была в 1703 г., но уже в 1704 г. Сергиевский деревянный острог был разобран и отправлен водою на р. Терек, а крепость обнесена была валом в 3 сажени. И вся новая Закамская линия укреплена была лишь валами, остатки которых сохранились и до настоящего времени.

Стр. 34, строка 33: г. Николаевск, следует добавить: ныне — Пугачев.

Стр. 37, строка 12: напечатано: Екатеринодар, следует: Екатериненштадт (—град).

Стр. 41, строка 15: 25 декабря, следует дополнить: 1770 г.

Стр. 46, строка 22: напечатано: Чертаклы; следует: Чертанлы.

Стр. 49, строка 13: напечатано: Красной площади; следует: площади Революции.

Стр. 52, строка 5: напечатано: указанные; следует: указные.

Стр. 53, строка 23: 7 февраля, следует добавить: 1865 г.

Стр. 75, строка 8 примечания: напечатано: армия учащих; следует: учащихся.

К стр. 86, к § 28. Из дела о постройке Покровской церкви видно, что до утверждения нового плана города в Самаре были улицы: Заовражная (впоследствии—Сокольничья, Шихобаловская, Крестьянская), Новая (Садовая), Лебяжья (Предтеченская, названная так по деревянной Предтеченской церкви, бывшей ранее — с 1845 до 1857 г. — на месте нынешней Покровской церкви).

ИЗУЧЕНИЕ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ И БЫТА НАСЕЛЕНИЯ.

Приступая к изучению местной истории и быта населения, приходится иметь дело с двумя главными вопросами: как вести это изучение и на что следует обращать внимание.

Изучение местной жизни с исторической и бытовой ее стороны приходится вести прежде всего путем опроса местных жителей. При этом большую помощь могут оказать врачи, священники, учителя, писаря, как соприкасающиеся с жизнью разных кругов населения по своей профессии. «Знающими» людьми считаются в народе мельники, кузнецы, пчеловоды. Встречаются особые знатоки и рассказчики («сказители») сказок и бывальщин. Наконец, вообще женщины, как хранительницы преданий и обычаев, часто могут сообщить много ценных сведений. Всякого рода сообщения и особенно предания о старине, полезно проверять расспросами и у нескольких лиц той же местности. Записывая то или иное сведение или произведение народного творчества (песню, предание) следует пометить пол, возраст, общественное положение, грамотность рассказчика. Весьма полезно завести дневник, в который по свежей памяти заносить все, что придется узнать, не заботясь о последовательности или форме изложения. Желательно, чтобы сообщения, которые будут направляться в Самару по одному из указанных ниже адресов, писаны были на одной стороне листа.

При собираемых предметах древности или быта необходимо указывать с возможною подробностью, от кого этот предмет получен и где при каких обстоятельствах найден.

Желательно, чтобы песни, сказки и др. памятники народного словесного творчества записывались с точным соблюдением местного говора, а не по книжной грамматике. Точно также, делая копию со старинного документа, следует списывать его слово в слово, буква в букву.

Всякого рода сообщения и запросы, а также предметы древности и современного быта, жертвуемые или предлагаемые в продажу, могут быть направляемы смотря по удобству для корреспондента, по одному из указанных ниже адресов.

Самое изучение может вестись по следующим программам, указывающим, на что должно быть обращено внимание исследователя.

1. ПРОГРАММА ОБЩИХ СВЕДЕНИЙ.

1) Название села, отдельных его частей, рек, озер, лесов, оврагов и др. урочищ, с точным соблюдением местного произношения, с обозначением ударения и родительного падежа. Нет ли рассказов о происхождении этих названий? Не назывались ли раньше те же местности по другому?

Все такие названия могут дать ценные указания на происхождение и первоначальный племенной состав населения.

2) Наиболее употребительные в данной местности фамилии и прозвища (они дают указание на происхождение жителей).

3) Замечательные (как в положительном, так и в отрицательном смысле) люди в прошлом данной местности.

4) Образовательные средства населения: школы (с какого времени, сколько и какие), домашнее обучение, библиотеки и т. д.

5) Общие перемены в жизни, по сознанию населения, в отношении благосостояния и способов ведения хозяйства.

II. ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ.

(Археология и история.)

6) Нет ли у кого из жителей старинных предметов: костей, каменных («громовых») стрелок и топоров, медных вещей, железных орудий, медалей, монет, икон, крестиков и т. д.; где когда и кем были найдены и не могут ли быть пожертвованы или проданы? Рассказы и поверия о кладах.

При сообщении об этом желательно получить рисунок или оттиск вещи: положить ее на бумагу

и точно обчертить карандашом; на медаль или монету наложить бумагу и протереть по ней тупым концом карандаша, пока не появится изображение.

7) Не известны ли такие места (напр. на песках, по берегам рек), где находятся черепки, кости, осколки камня? Где именно, в каком расстоянии от села и в какую сторону? Образцы таких находок. Пещеры и что в них находили?

8) Курганы и могилы: где находятся, в каком количестве? Каких размеров каждый курган в высоту, в окружности, какой формы? Если продолговатой, то в каком направлении идет длина: с юга на север и т. д. Нет ли на кургане или около него камней? Что рассказывают о кургане местные жители? Не пробовали ли раскапывать курганы и что при этом находили?

Если есть в местности несколько курганов, желательно иметь план их расположения.

9) Городища — старинные укрепления, валы. Где находятся? Форма городища (по возможности — на плане); длина, ширина в саженьях или по крайней мере числом шагов. Что рассказывают о городищах местные жители, не находили ли в них какихнибудь вещей?

10) Интересные надгробные памятники и кресты на кладбище или около церкви, надписи на них. «Мазарки» и другие надгробные памятники инородцев, изображения на них.

11) Что рассказывают о начале села: откуда и как пришли, кто были руководители («садчики»), как устраивались на новом месте?

12) Какие были в прошлом замечательные события: нападения инородцев, народные волнения, голодовки, пожары, бури, наводнения и т. д. Старинные вымершие обычаи и обряды.

13) Как отразились в памяти населения события общерусской истории: 12-й год и другие войны, революция 1905 и 1917 года.

14) Не сохранилось ли рассказов о крепостном праве?

15) Исторические песни и думы в точной записи.

16) Рассказы о местных людях: кто и чем был полезен согражданам как кто разбогател или обеднел,

какие были оригиналы (чудаки), разбойники; анекдоты и шутки по поводу разных происшествий, прибаутки, пословицы, поговорки.

17) Сказки и легенды в точной, по возможности, записи.

18) Старинные бумаги в местных архивах и у частных лиц, содержание их и (по возможности) точные копии. Старинные книги—рукописные и печатные: содержание, год выхода в свет, место печати, формат, число листов, состояние переплета, картинки. Рукописные тетрадки, их содержание; листы с молитвами и т. д.

19) Церковная летопись, с какого года ведется? Более интересные записи в копии или извлечении.

20) Сведения о построении церкви. Замечательные старинные иконы и другие древности в церкви. Сведения об основании и судьбах местной школы.

21) Принадлежности старинного быта: посуда, украшение, пуговицы, пряжки и т. д. Лоскутья старинных тканей: парчи, золотных платков, обрывки кружев и т. д.

III. ПРОГРАММА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫТА.

(Этнография).

А) Общие сведения.

22) Относительное число русских и инородцев; какие именно инородцы?

23) Какой рост (в вершках или сантиметрах) считается в данной местности высоким, средним и низким для мужчин и для женщин?

24) Сколько записано вами людей с черными волосами, каштановыми, светлыми?

25) Сколько записано людей с черными глазами, карими, серыми и голубыми?

Б) Материальная культура.

1. Жилище.

26) Материал для постройки жилищ: дерево, камыш, солома, кирпич жженный и воздушный, камень, глина и т. д.; где и как добывается?

27) Внешний вид жилища: стены, фундамент, завалина (призба), крыша (форма, материал), крыльцо, балконы.

28) Внутренний вид жилища: изба стрипущая, горница; стены, в них полы, потолки; мебель: столы, скамьи, лавки, стулья, шкафы, сундуки.

29) Отличие инородческих жилищ от русских. Не выселяются ли жители на лето в особые постройки: кибитки, шалаши?

30) Площадь и кубический объем жилищ; сколько аршин кубических приходится на каждого жителя дома?

31) Чистота: как метут, моют, скоблят жилище?

32) Окна: число их, размеры, форма, окраска, как открываются? Не заменяются ли чем-нибудь стекла? Зимние рамы.

33) Устройство дверей и запоров при них.

34) Печи, их устройство; печные трубы.

35) Украшение домов снаружи и внутри: раскраска, узоры и резьба по дереву и камню; цветы и растения; картины, портреты; наклейки на окнах; скворешницы, игрушечные мельницы и фигуры.

Желательно иметь рисунки узоров и резьбы, выполненные по возможности самими мастерами.

36) Способы освещения и принадлежности к нему. Добывание огня (огниво, «деревянный» огонь).

37) Хозяйственные постройки: клети, кладовые, амбары, сарай, помещения для животных, риги (половни), овины, бани, кузницы, мельницы.

38) План дома, двора и хозяйственных построек по масштабу.

2. Одежда и украшение тела.

39) Полное перечисление всех частей одежды, включая головные уборы и обувь, — будничной, праздничной и по временам года у мужчин и женщин. Одежда детей.

40) Одежды ино.

Следует навести справки, возможно ли приобрести полный инородческий наряд.

41) Одежды духовных лиц и других специалистов, траурные одежды, старинные наряды.

42) Материалы для приготовления одежды; что покупается и что готовится дома? Образцы домашних тканей (приблизительно $\frac{1}{2}$ арш. в длину). Образцы вязания, плетения, вышивок. Образцы узоров, употребляемых мастерицами.

43) Способы прядения и тканья: орудия, способы окраски, узоры. Набор инструментов (действительно бывших в деле) швей, вязальщицы, кушечницы и т. д.

44) Прическа у мужчин и женщин; гребни.

45) Украшения покупные и самодельные: кольца, серьги, браслеты, бусы и т. д. Украшения на теле (татуировка).

46) Портные и портнихи, деревенские моды, перемены в костюмах.

3. Пища.

47) Полное перечисление пищевых материалов, домашних и покупных.

48) Полное перечисление употребляемых населением кушаний с описанием приготовления их.

Примерный состав еды (меню) среднего и зажиточного жителя в будни и праздник, по временам года.

49) Хлеб и хлебные печения. Любимые и лакомые блюда. Кушания свадебные, поминальные и при других случаях.

50) Приправы и лакомства. Не готовятся ли домашние пряники и конфеты? Рисунки на них.

51) Напитки: их перечисление; квас и домашнее пиво. Особенные напитки; описание их приготовления и употребления.

52) Посуда покупная и домашнего производства; ложки, ножи, вилки. Полное перечисление всех имеющих в доме предметов этого рода. Украшения на предметах домашнего производства.

53) Орудия ловли зверей, птиц, рыб, с описанием их употребления. В какой мере добываемая этими способами пища усиливает питание населения?

В) Духовная культура.

1. Верования и обычаи.

54) Предметы религиозного почитания, особенно у инородцев, талисманы, ладашки.

55) Взгляды на божество, происхождение мира и человека, загробную жизнь; душа животных и вещей. Лешие, водяные, домовые и другие мифические существа.

56) Особенно почитаемые праздники и совершаемые в них обряды.

57) Свадебные обычаи, похоронные обычаи.

58) Взгляды на семейную жизнь (власть мужа; положение женщины; власть отца и матери) и воспитание детей. Обычаи при рождении детей. Лечение больных.

2. Творчество.

59) Песни, частушки, былины, причитания свадебные и похоронные.

60) Рассказы о старине, сказки, пословицы и присловья.

61) Духовные стихи, молитвы, заговоры, лекарственные рецепты, приметы.

62) Произведения старообрядческой и сектантской литературы: тетрадки, картинки.

63) Игры взрослых и детей (возможно подробное описание).

64) Музыкальные инструменты, преимущественно самодельные. Детские игрушки, покупные и самодельные.

65) Общественные собрания, где и как происходят, в чем заключаются?

66) Степень развития грамотности и школьного образования. Какие книги в ходу среди населения? Любимые книги жителей по полам и возрастам.

67) Местные писатели и художники, образцы их произведений. Изобретатели и особенно искусные мастера.

В письменном сообщении может быть указан только номер вопроса, на который дается ответ.

742810

фонд с

9

п

Средне-Волжское Кооперативное Издательство.

P. 961.73

п-721

Л. Л. Преображенский.

Очерк истории

Самарского края